

Александр Холин

НА КРАЮ ВУЛКАНА

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ИЛИ
НЕАДЕКВАТНЫЕ МЫСЛИ ОБ
АДЕКВАТНЫХ СОБЫТИЯХ

Александр Холин

**На краю вулкана. Сказки для
взрослых, или Неадекватные
мысли об адекватных событиях**

«Автор»

2016

Холин А. В.

На краю вулкана. Сказки для взрослых, или Неадекватные мысли об адекватных событиях / А. В. Холин — «Автор», 2016

«...А младшенький горем обиженный, печалью придавленный, согнал бабу-рыбу с камушка, сам уселся, чтобы всласть наплакаться. Ан, нет. Русалка-таки тут как тут. И этому тоже богатство предлагает даже в американских рублях, за один только разик любовью-лаской одарить. А младшой вовсе не глядит на неё, знай себе, слёзы проливает. Но всё-таки дошло до его гениального сознания, чево русалке надобно, и за какую грандиозную цену. Это ж надоть такому счастью подвернуться!— Да чево уж там, — промолвил молодец, вытирая горячие слёзы. — Ты ведь баба хоть куда. Тебе, типа, как бы, одного-то раза маловато будет, поди?— А ты и пару раз сумеешь? — ахнула белорыбица.— Нет проблем. И пару, и, типа, как бы, тройку разов. Вот только...— Что? — наострила уши русалка.— А если десять?— Ой, милай-ай! — захлопала в ладоши красавица. — Ой, да неужто мне с тобой так повезло?...»

© Холин А. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Сказка про соловья	5
Сказка про телефон	7
Сказка про чай	8
Сказка о женской арифметике	11
Записки доктора Ватманса или новые приключения Шолома Хармса	12
Сказка про русалку	15
Сказка про волчицу	19
Сказка про Пушкина	23
Сказка про искушение	26
Сказка о нищем	30
Охотничья эллегия	32
1	33
2	34
3	35
4	36
5	37
6	38
Сказка о покаянии	39
Сказка о любви	42
Сказка о похищении	43
Сказка о семени	47
Сказка о божием промысле	49
Сказка о хаосе... или гармонии?	53
Сказка про царя Артоса	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Холин

На краю вулкана. Сказки для взрослых или Неадекватные мысли об адекватных событиях

Сказка про соловья

Посвящается Сергею Соловьёву

Старинный парк уже оделся листвой, ещё не успевшей покрыться сизой городской пылью и заманивал свежим весенним ароматом всех окрестных перелётных и не перелётных птиц.

На ветках старой раскидистой липы, также молодящейся в эти ласковые дни, примостилась неприметная соловьиная пара то ли обсудить какие-то свои птичьи проблемы, то ли просто отдохнуть. Соловья сидела, нахохлившись, не обращая внимания на прихорашивающегося рядом соловья, и была похожа на сердитую квохшу. Казалось, ни тёплый майский вечер, ни вновь зазеленевший парк, играющий весёлой листвой, не радуют её.

Соловей пытался растормошить свою подружку лёгким пощипыванием в крыло, но она только фырчала в ответ, совсем как свернувшийся в клубок ёжик.

– Ну, что на тебя, право, нашло сегодня? Может быть, я что-то не так сделал? – размышлял Соловей вслух, поскольку ничего кроме фыркания не смог добиться от Соловьи.

– Вот именно! – встрепенулась та. – Вот именно! Не так сделал! Конечно, не так! Вон, полюбуйся, даже бродяга Воробей увёл для своей Воробьи скворечник со всеми удобствами из-под самого носа у скворцов!

– Но я же...

– А Щегол для Щеголихи импортный пух достал!

– Но...

– А у Малиновки муж в саду американского посольства работает!

– Так ведь...

– Даже Пеночка пенки со сливок снимает, а я? – всхлипнула Соловья.

– Дорогая, я ведь тоже для тебя стараюсь что-то сделать. Ты же знаешь...

– Стараешься, стараешься. Да что ты вообще в жизни сделал? – не унималась Соловья.

– Но ведь я же певец, – защищался Соловей.

– Кому нужно твоё пение, идиот? Да и поёшь-то ты хуже Ворона!

– Ну, знаешь!..

– Знаю, знаю, – распушила хвост Соловья. – Дура я была, что на твои уговоры согласилась. Вон Ворон давно в жёны зовет. У него и дупло свое есть, и даже часы золотые. Говорит, заморский раджа подарил.

– Часов у меня нет, но ведь пение мое всем приносит радость, – пытался объяснить Соловей. – Все люди и даже Ворон с удовольствием слушают мои песни. Радость – это такое состояние души, когда любое существо на земле превращается в истинного творца!

– Вот и живи со своей радостью, – Соловья вспорхнула с ветки и исчезла в сгущающейся над парком темноте.

Соловей некоторое время сидел, молча, не шевелясь, но вдруг поднял к заполнившему вечернее небо звёздам свою грациозную головку и над Сокольниками полились необычайно прекрасные трели соловьиного плача.

Внизу, под липами, тьма казалась гуще и там, на скамейке, прикрываясь этой темнотой, как плащом, сидел человек. У его ног белело множество окурков. Видимо, он расположился на этой лавочке довольно давно и, выкурив очередную сигарету, бросал окурки себе под ноги, не обращая внимания на стоящую неподалеку урну.

Однако необычайная соловьиная трель отвлекла его от собственных вязких, как болотная топь, дум и он, прислушиваясь, попытался высмотреть певца в тёмных кронах дремучих лип.

– Ишь ты, что вытворяет, – еле слышно произнес человек, – можно подумать, в царстве Печали петь обучался. Только откуда ему знать про печаль? Такого знатного певца подруга не бросит, не то что... Эх, ладно, – досадно сплюнул человек, загасил башмаком очередной окурки и побрёл по вечерней аллее к дырке в заборе, за которым весело горели разноцветные окна домов, а вслед ему из темноты лились удивительные печальные трели о не нужной никому радости жизни.

Сказка про телефон

...сестре Галине

– Алё. А, это ты? Слушай, я с тобой хотела посоветоваться по одному очень важному делу, но это лучше потом, когда увидимся, а то по телефону, да еще и по сотовому, такие вещи не решают. Между прочим, я за сотовый телефон жуткую арендную плату вношу, так что если по телефону говорить, да ещё и по мобильнику, то только по делу. Кстати, о деле: я тебе давно хотела сказать, но это лучше потом. Ты мне потом позвони на работу по обычному телефону, и я тебе всё расскажу, а то по сотовому слишком дорогое удовольствие разговаривать даже по делу, пусть даже важному, пусть даже нужному. Тем более, что заехать ко мне на работу ты всегда можешь, когда я на работе работаю. Или лучше позвони по городскому, и мы обсудим, что там у нас на текущий момент накопилось. Нет, ты меня не перебивай, я тебе ещё не всё сказала. И вообще, перебивать не вежливо. Я в твои-то годы всё терпеливо выслушивала. Тем более, что я тебе по делу звоню. Кто? Ты звонишь? Это не важно. Важно другое: я с тобой сейчас разговариваю по мобильнику, между прочим, а знаешь какие деньги за абонентную плату дерут? Ужас! Тем более, что мне всё же ещё что-то кушать надо и на транспорт, и на мелочи всякие. А я ещё не слишком старая женщина и мне хочется себе иногда тряпочку какую-нибудь купить, а тут ещё и за мобильник плату вносить надо, так что вообще караул получается. Но я ведь ничего не говорю, я говорю, что по мобильнику лучше всего решать только важные вопросы. Или нет, важные вопросы не всегда важными бывают. Это ведь не неотложные дела, про которые действительно надо договариваться по сотовому. А по сотовому лучше всего договариваться на время, чтобы встретиться там-то и там-то и во столько-то, столько-то. Потому что если долго по мобильнику разговаривать, то можно на такую сумму наговорить. Ужас! Вот я и говорю. Да не ты, а я говорю про дела, что ты меня всё время перебиваешь, слова не даешь сказать?! И вообще, что такое срочное тебе хочется сообщить, чего я не знаю? И даже если не знаю, то я скоро приду на работу, а ты приезжай туда, и там поговорим, а то по мобильнику всякие там проблемы обсуждать – слишком дорогое удовольствие. Но я слушаю тебя, чего ты молчишь или вопрос сформулировать не можешь? Так ты лучше сначала подумай, что сказать хочешь, а то говорить соберёшься пока, так у меня уже все лимиты на разговоры закончатся, потому что по мобильнику говорить – это довольно дорого, разориться можно...

Сказка про чай

Сразу за нитяными вспышками прозрачного бабьего лета на город навалилась холодная ветреная непогода, подкрашенная крапчатым дождливым небом с небольшими просветленными перерывами.

По мостовой, не особенно обращая внимание на всхлипывающие под ногами лужи, чуть ли не строевым чеканил человек в кожаном – до пят – пальто с поднятым по случаю непогоды воротником и надвинутой на глаза шляпе. Судя по всему, он шёл к особняку, перегородившему жёлтым оштукатуренным боком добрую половину кривой худосочной улочки, за что и прозвище получил благозвучное: «Камень преткновения».

Надо сказать, что в «Камне преткновения» частенько собиралась литературная братия отнюдь не христианского толку, поскольку богоборческую политику партии и правительства надо было донести в темные народные массы самым светлым и светозарным образом при помощи идеологически подкованных прорабов стройки, недостройки, перестройки и перекройки человеческих душ, а большинство писак малого, среднего и не крупного пера готовы были даже свои души «перековать на орала», лишь бы вовремя да поближе пустили к сытному Литфондовскому корытцу. И ковались будущие перековщики душ, в этом самом писательском вертепе уча и поучая друг друга за рюмкой чая, кулаками вышибая истину из пыльных толстовок товарищей и витийствуя зело при этом.

Банкетный зал «Камня преткновения» привычно зудел на разные голоса, так что вновь прибывший быстро вписался в тему, ничем особым не выделяясь и не обращая на себя внимания окружающих. Он примостился за свободным столиком, покрытым аляповатой заляпанной скатертью, на который водрузил принесенный с собой картонный планшет, размером превышающий столешницу.

Развязав тесёмки и высвобождая свою ношу от картонных вериг, незнакомец поминутно отдергивал руки, будто обжигаясь от чего-то раскалённого, но снял-таки и благополучно отправил в угол не нужный уже планшет.

На столе осталась лежать... алтарная икона с изображением Николы Мир Ликийских чудотворца.

Пришелец давно уже растворился в надвинувшемся облаке табачного дыма, сверкнув на прощание озорными глазами из под обтрепанных полей выдавшей виды необъятной шляпы. Но никто из присутствующих, занятых исключительно своими гениальными произведениями и не менее гениальными мыслями, не обращал на икону внимания.

Возможно, выходка незнакомца так бы и окончилась ничем, поскольку кто-то из классиков уже оставил, походя, на иконе кружку недопитого пива, кто-то уже об угол доски загасил папироску, но...

Но без женщины и тут не обошлось: ведь должен же кто-нибудь крутоумным и туполобным мужикам подбросить яблоко раздора.

– А-а-а-а! Глядите, гадость какая! – заверещала довольно мясистая модно раздетая корова, – кто сюда это приволок?!

Накуренный монолит атмосферы «Камня преткновения» качнулся в одну сторону, в другую... Мирный ход мирной истории был нарушен. К столику стали собираться маститые и не очень, но каждый на глубину своей масти считал возможным резюмировать происшествие.

– Да уж, кто-то нам действительно свинью подложил!

– Этого только не хватало!

– Хм... какая большая. И талантливого письма, надо сказать. Жалко, что художник свой талант использовал не по назначению.

– Какое назначение? О чем вы говорите?! Выбросить эту мазню на задний двор – и дело с концом. Там истопник определит её куда надо.

– Товарищи! Зачем истопник? Давайте лучше сами истопниками поработаем.

Давно мы наш сорокаведёрный самовар не разжигали: не пора ли почаевничать да за жисть покалякать? А из доски такая лучинушка для самовара получится – сказка!

– Виссарион, – обратился тот же голос к кому-то, теряющемуся в задних рядах, – а не порубишь ли ты, товарищ, эту доску на чурочки для самовара?

– Легко, – пробасил Виссарион и, раздвигая могучим животом маститые тушки писателей, протиснулся к столу.

Кто-то, уже воспользовавшись всеобщим отвлечением от собственных дел, привлекал всеобщее внимание к себе любимому, пересыпая речь цитатами исключительно из своего словотворчества, кто-то просто рассуждал в пространство о происшествии. А те, что пошустрее да поухватистей, тащили к камину огромный клубный самовар, вытяжная труба которого крепилась к дымоходу камина.

Экстравагантные аванажные пиитессы расставляли на сдвинутых в центре столах разнокалиберную посуду под надвигающийся чаёк и раскладывали по тарелкам тут же сочинённые бутерброды. А Виссарион и иже с ним уже суетились вокруг разгорающегося самовара, подкидывая в него чурочки ещё недавно бывшие одной целой иконой.

И скоро свежеистопленный самовар с огромным заварным чайником наверху водружен был в центре импровизированного банкетного стола. Всех присутствующих охватила необъяснимая волна экзальтации и шуточки типа: Пить, так пить! Чай, так чай! – сыпались отовсюду, сопровождаемые нервическим подхихикиванием пиитесс.

– Иконный чай, – басил Виссарион, – иконный чай! Налетай! Выпивай! Господу Богу помолимся! Вот тебе и весь аллилуй!

– А что, братцы, чаек отменный, даром, что иконный!

– Да-да, я бы сказал, даже со специфическим ароматом.

– Друзья! А у меня тут экспромт на почившего в бозе Николая-угодника.

И вдруг сквозь весь этот восторженный шум-гам-смех, словно смертельная стрела викинга, пролетел визг:

– Пожа-а-а-а-а-а-а-ар!..

За устоявшимся монолитом табачного дыма никто сразу и не приметил дымок, потянувшийся от невесть как загоревшихся останков иконы, брошенных возле обитой китайским шёлком деревянной перегородки, которая также вспыхнула с готовностью сухого пороха и клочки огня, точно солнечные блики перепрыгивали со стены на всё деревянное, что имелось в «Камне преткновения».

Таким же бурным огнём вспыхнувшая паника с визгом, криком, топотом бросила волну человеческих тел к двери, оказавшейся запертой. Никто почему-то даже не попытался потушить или сбить пламя, которое, как бы почувствовав свою власть над людьми, уже загудело и затрещало, завоёвывая всё новые и новые территории.

Обезумевшая толпа двуногих рыскала посреди огня, то пытаясь прорваться к окнам, забранным ажурными решётками, то снова и снова к никак не открывающейся двери.

Наконец несколько человек, ещё не совсем одуревших от воплей, дыма и пламени, выскочили в подсобку, из которой по коридору можно было выбраться на задний двор, но краска на двери в коридор подозрительно пузырилась, а из щелей валил всё тот же сиротский и торжествующий дым пожарища. Дверь вспыхнула, и ярые языки огня заплясали во всей своей необузданной красе, предвкушая близкую человеческую поживу.

У чугунной ограды «Камня преткновения» стоял давешний кожаный в своей широкополой шляпе и спокойно наблюдал бушевавший внутри пожар. А по палисаднику метался испу-

ганный беспомощный дворник, размахивая руками и шлепая толстыми беззвучными губами, как рыбец, выброшенный на лёд.

– Не суетись, папаша! – негромко, но внятно произнес незнакомец. – На-ко лучше выпей чайку на помин души... – и к ногам оторопевшего дворника легло несколько весело звякнувших монет.

Сказка о женской арифметике

– Алё. Алё, Марина? Маринка, это я. У меня завтра день рождения, помнишь? Ага, помнишь, это и хорошо. Потому что нам обоим необходимо оторваться хоть раз в году. Ну, что ты мне морали читать начинаешь? Я могу себе сделать подарок на день рождение или нет? Могу? Вот и славно. Обрадовала. А ты должна мне посочувствовать, как лучшая подруга. Сочувствуешь? Вот и славно. Значит, придёшь? Кого пригласила? Щас скажу. Только ты сядь, а то упадёшь. Села? Ну, слушай. Ты знаешь, что у нас на работе с мужиками проблем нет. У кого? У тебя проблемы? С мужиками? Придёшь на день рождения и у меня все проблемы порешаем. Да подожди ты, не беги впереди паровоза. Всё скажу: что было, что будет, чем сердце успокоится. В общем, так. Я пригласила тридцать два мужика. Из женщин? Нет. Никого. Только мы с тобой. Почему так мужиков много? Шутишь, Маринка! Тридцать два – это разве много? Завались? Ну, подруга, теперь понимаю, почему у тебя на мужицком фронте проблемы возникают. Ты просто их считать не умеешь. Кто, я? Как раз умею, работа такая. Поэтому сама хочу оторваться и тебя угостить. Как считать? Очень просто. Я тебе говорила, что тридцать два человека пригласила? Говорила. Теперь прикинь, что половина из приглашённых не придёт. Это точно. Как пить дать. Придут? Ну, подруга, ты точно в мужиках нихрена не разбираешься. Я тебе отвечаю: придёт только половина. Да, шестнадцать. Что, для нас двоих шестнадцати много? Ой, мать, да ты совсем с катушек съехала. Знаешь, что мужик в гостях, да ещё на дне рожденья делает? Правильно. Пьёт. Вот и считай: из шестнадцати половина ужрётся в лоскуты, и останется всего только восемь. Что? Опять много? Ну, девка, ты прям, как будто в настоящей совдеповской конюшне выросла, ничего про это дело не знаешь. Да и сексу-то у нас в государстве никогда не существовало. Чего обижаешься? Я те правду говорю, что восемь – это только в натяг хватит. Как? А вот так вот. Ты чё думаешь, сейчас мужики нормальные? Зря так думаешь. Где нормальный мужик рос, там давно уже дуб вырос. Ага, желудёвый. Так что из этих восьми половина обязательно импотентами окажутся. Как пить дать. И что там у нас остаётся? Четверо? Как делить будем? Я думаю, по-честному. Тебе два и мне два. Что, опять много? Да ты прикинь, дурёха, вот примется тебя ублажать один. Ну, ублажит. И всё? Вспомни, что ты всё-таки женщина. А вдруг тебе ещё раз захочется? Два мужика – это как два пальца об асфальт. Только так их и считают, мужиков-то.

Записки доктора Ватманса или новые приключения Шолома Хармса

Сегодня я имею честь, господа, представить на ваш несправедливый и невзыскательный суд одну из историй, воспоминания о которой до сих пор леденят душу обитателей Баскет-Билль-Холла.

Но всё по порядку.

В тот дождливый и непредсказуемый день шёл дождь и его косые струи перечёркивали окно, выходящее на неуютную в этот час Бейкер-Юден-Стрипс.

Орлиный профиль Шолома Хармса мрачной тенью вырисовывался на фоне дождливого окна.

– На улице дождь, – невесело заключал мой друг.

Я уже привык к его неординарным и довольно любопытным умозаключениям, но, тем не менее, каждый раз они поражали меня в самое сердце своей пронизательной, беспринципной и недоказуемой силой.

– Как вы догадались?! – воскликнул я.

Шолом Хармс мягко и саркастически улыбнулся в ответ на моё восклицание.

– Нет ничего легче, милый друг, – произнес он, – когда вы принесли очередную охапку дров для камина, я заметил на пятом от середины полене характерные брызги, которые могла оставить только водосточная труба в нашем дворе, так как она наполовину сломана доброжелателями из Маун-Чаун-Тауна.

– Поразительно! Но как вы успеваете замечать такие незаметности? – удивился я.

– Опыт, друг мой Ватманс, опыт и ещё раз опыт, которому надо учиться, учиться и учиться. Кстати, к нам следует посетитель, – тут он указал зажатой в руке трубкой на субъекта, тайно пробирающегося по противоположной стороне Бейкер-Юден-Стрипс.

– Таки, почему это обязательно к нам? – резонно заметил я.

– Таки потому, что в вашем замечании нет никакого резона, – парировал мой друг.

С этим было трудно поспорить и оставалось только ждать. Ждать, однако, пришлось недолго. Вскоре внизу зазвучал колокольчик, и госпожа Хадсман объявила нам о прибытии посетителя.

Но что такое посетитель, я вам скажу! Что б вы были здоровы. Ведь он же не бросил к нам свои кости, то есть не пришёл, как обычный человек, искатель личных приключений или взломщик! Сразу с порога он нас сразил фразой, достойной пера самого Фенимора!

– На улице идёт дождь, – сказал незнакомец, и лицо моего друга сделалось серым.

Надо сказать, что мой друг Шолом Хармс не любил, когда рядом оказывался кто-то умнее его. Этим самым я отнюдь не хочу сказать, что встретить кого-нибудь умнее моего друга можно даже на Привозе. Разумеется, нет и быть не может. И тем не менее. И, тем не менее, он вошёл и сказал эту историческую фразу.

– Но как вы догадались?! – по своему обыкновению вскричал я.

– Поживи, дружок, с моё, ещё и не то замечать будешь, – скромно ответил посетитель.

– Но я думаю, что вы пришли к нам с каким-то делом? – перебил его Шолом Хармс.

– И, правда! Как же я мог забыть, уважаемые россияне? – растерялся посетитель.

– Ничего, ничего. Со всяким может случиться. Итак, к делу.

– Да, да! К делу, – подхватил незнакомец. – Меня к вам, господа, привело очень странное и запутанное дело. Посреди Гринписовской трясины стоит древнее родовое имение моего хозяина: это небезызвестный Баскет-Билль-Холл. И надо сказать вам, джентльмены, что существует старая и довольно потрёпанная легенда, в которой упоминается и ваш покорный слуга.

Никогда ещё ни одно литературное произведение не наводило такого ужаса на обитателей Трясины. А говорится там вот о чём.

С этими словами незнакомец достал из портфеля крокодиловой кожи берестяную грамоту и принялся читать замогильным поэтическим баритоном:

– Сколько минет веков над землёю
и в Трясине свершится злодейств —
я от вас, мой читатель, не скрою,
как не скрыть мне всех будущих действ.
В год, когда окотится собака
и корова не даст молока,
Беломор, обкутившийся мака,
снова будет валять дурака.
Рак вскричит и погонится призрак
за тенями Гринписовских тайн.
Если будет он Господом призван,
то наступит несыгранный тайм!

– А моё имя Беломор! – воскликнул наш странный посетитель. – Видите, из глубины веков настигло меня предсказание. Но, ни я, ни кто-либо ещё не обратили бы внимания на старый манускрипт, не случись с моим хозяином беда. Сегодня утром он был найден у себя в спальне с перекушенным горлом, а днём раньше бесследно исчезла моя любимая жена.

– Да, это интересная и очень запутанная история, – отметил я.

– Вы правы, доктор Ватманс, вы тысячу раз правы, – подхватил Шолом Хармс. – А есть ли ещё обитатели в Баскет-Билль-Холле?

Мистер Беломор на секунду задумался и ответил не задумываясь:

– Нет, сэр, никого нет, если не считать моей жены, которая нежно любила моего хозяина сэра Никиту и ухаживала за ним с преданностью и усердием. Она даже ласково называла хозяина Лохматым Шмелём.

– На решение этой проблемы..., – Шолом Хармс на секунду задумался. – На решение этой проблемы мне потребуется три бутылки «Жигулёвского» и три пачки моршанской махорки.

– Ну, с махоркой, мой друг, проблем не будет, – весело заметил я, – а вот, с пивом!..

– У меня! У меня есть пиво! – воскликнул наш посетитель, – У меня случайно оказалось именно три бутылки!

Беломор, безысходно вздохнув, выставил на стол пиво. И пока мой друг уничтожал махорку, запивая её доброй порцией «Жигулёвского», мы с нашим гостем резались в очко, покер и крестики нолики. Вдруг из-за пелены махорочного дыма прозвучал туманный голос моего друга:

– Есть! – сказал он. – Картина ясна!

Мы с мистером Беломором перебрались на тахту Викторианского покроя поближе к моему другу и приготовились слушать.

– Картина более-менее ясна, – начал Шолом Хармс. – Ваша жена, мистер Беломор, также как и вы, предано любила своего хозяина и предано ухаживала за ним. Вас обоих она по утрам постоянно кормила овсянкой, о чём свидетельствует ваша заляпанная манишка, мистер Беломор.

– Овсянкой, сэр, овсянкой, – подтвердил посетитель.

– Но вам давно уже осточертела овсянка, о чём свидетельствует прыщик на кончике вашего носа. И вы с сэром Никитой решили избавиться от овсянки даже ценой жизни бедной женщины.

– И они убили её! – вскричал я.

– Нет, дорогой Ватманс, всё было совсем не так, – с привычным сарказмом улыбнулся Шолом Хармс. – Они не убивали бедную женщину. Скорее всего, это она была убита ими. А потом, чтобы скрыть следы преступления, они сварили бедняжку в кастрюле с овсянкой. Получилась великолепная овсянка по-флотски, которой они накормили любимую собаку сэра Никиты. Разве могли убийцы предполагать, что собака, отведав человеческого мяса, станет людоедкой и набросится на самого хозяина? Мистеру Беломору чудом удалось избежать клыков бедного животного, о чём свидетельствуют порванные штаны и фрак нашего посетителя.

– Да, да! Вы правы! Все было именно так! – сознался преступный Беломор. Но умоляю, спасите меня от собаки!

И тут в глубине Бейкер-Юден-Стрипс раздался жуткий утробный вой, наводящий тот самый леденящий ужас.

– Боюсь, что с собакой выйдет неувязочка, – мрачно констатировал Хармс. – Она никогда не простит вам того, что вы её сделали людоедкой.

– Я на всё согласен! – вскричал Беломор. – Я буду всю оставшуюся жизнь питаться одной овсянкой и курить только Моршанскую махорку!

– Что ж, – заметил Шолом Хармс, – я вижу, вы уже довольно наказаны за своё легкомыслие. Пойду, постараюсь договориться с собакой.

С этими словами мой друг вышел из дома и вскоре косые безответственные струи дождя скрыли его в наползающем тумане.

Конец этой истории неизвестен никому, так как по возвращении мой друг отправил мистера Беломора на вечное поселение в Гринписовской Трясине, обещая, однако, всякое заступничество и поддержку в борьбе с собакой.

Но я не раз ещё слышал, что глубины Гринписовской Трясины потрясает жуткий леденящий душу вой бедного животного, которое страдает от недоедания и от тоски по человеческому обществу.

Сказка про русалку

Было это или не было, а кроме Аллаха великого и мудрого никого не было... Ой, чевой-то не так я сказку зачал. Вероятно, не так и закончится. Причём тут Аллах в русских сказках? Ведь они пока ещё русские. И русские бабы только за наших мужиков замуж выходят. И столицу до сих пор Москвой величают, а не Москвобадом, прости Господи! Или я не прав?

Ну, да ладно. С присказками проехали, пора бы и за сказку. Жил да был дед с бабкой, то есть старик со старухой. Была у них корова ядрёная да три сына в придачу. Двое, как водится, шибко умных, а третий – так себе, – в гениях числился. В крайнем случае, в полу-умные можно записать, но никак не иначе.

Так вот. Сидит старик как-то на завалинке, Моршанскую махорку покуривает. А старуха рядышком семечки лузгает. И столько вокруг шелухи! – ни в сказке сказать, ни пером описать. Долго так старик рядышком со старухой просиживал, цельный час, наверное! Потом стряхнул старухину шелуху с колен, сверху покрытую махорчатым пеплом, харкнул в сторону и говорит своей половине:

– Уйди, старуха, я в печали!

Та икнула в ответ, да что со старика брать-то? Старпер он и есть ворчун, а ворчун он и есть...

– Ну, чё ты, старый? Чё ты? – незлобливо проворчала она. – Иль молочка притащыть? Корову-то я исчо не доила. Аль тебе вечёрнёго из погребу надо-ть?

– Ох, хорошо бы. Только чё ты, старая, в слове из трёх букв сложенном четыре ошибки делаешь?

– Ой...

– Вот те «ой», – снова сплюнул старик. – А в русской грамматике нету слова такого, чтоб «исчо», а все бают «ещё» и все довольны. Да ты не поймешь, поди, ведь ты же баба. Ну, чё расселась? Иди Бурёнку доить.

Старуха вздохнула, мотнула неубранной головой. Но, ничего не сказав, отправилась навещать корову, поскольку не была в хлеву со вчерашнего дня, да и не надо было. После вечерней дойки она послала младшего почистить бока коровы скребком и засыпать ей комбикорму. Младшой – он послушненький. Ведь косая сажень в плечах и лбом надысь косяк в двери проломил, а что скажешь – то и делает. И коровушку-кормилицу любит, обихаживает. Одно слово – гений. Токмо не злой, а добрый.

Размышляя, старуха добрела с подойником до хлева, но, переступив порог, охнула, сделала шаг назад к стенке и опустилась на пол, мелко крестясь и причитая. Перед ней в нескольких шагах на полу растянулась Бурёнка, уставившись выпуклым мёртвым глазом на хлевинный потолок, а заодно и на хозяйку.

– Господи помилуй! – поскуливала старуха.

Подойник вывалился у старухи из рук, дребезгливо хрястнул об пол и покатился в сторону околевшей Бурёнки.

– Ой, чё делать? Чё делать? Ведь старый-то обухом башку перешибёт за корову! – поскуливала старуха. – Он разбираться не станет, что не я кормилицу нашу погубила. Он сначала башку проломит! Мовет, потом и разберётся, а мне, горемычной, с больной башкой помирать? Нет уж!

И словно вожжа под хвост попала, да не Бурёнке, а самой старухе. Сняла она вожжу эту, у двери на крюке висящую, закинула за стропильную перекладину, махом петлю сварганила на конце. Поставила подойник донышком вверх, забралась на него, всунула в петлю голову, отпихнула ненужный уже подойник, а пока удавка затягивалась вокруг шеи, успела всё-таки подумать:

– Охти мне! А то ли я делаю?!.

Но ответить старухе уже никто не мог, да и некому было. Судьба такой.

Меж тем старик, сидя на завалинке и вдоволь накурившись махорочки, решил поглядеть-таки на задоившуюся старуху. Он прошёл за ограду в хлев, по пути машинально пнув попавшегося под прохоря кота. Тот отлетел с душераздирающим воплем, а старик в очередной раз смачно сплюнув, переступил порог коровьего анбара, да так и застыл на месте.

Скоро сказка сказывается, ещё скорее дело делается. Стоял старик, стоял, смотрел старик, смотрел на околевшую корову да на достопамятную супругу, наложившую невесть зачем на себя руки.

– Чё ж ты, старая, без топора рубишь? – протянул он к ней ладонью вверх правую руку. – Ты ж меня, стерва, под топор загоняешь! – кулак левой руки с недюжинной для старика силой ударил правую ладонь. – Чё ж ты, мракобесина, удумала? Кто ж теперь Бурёнку доить... тьфу ты, – сплюнул он в сторону сдохшей коровы. – Кто ж теперича самогоном потчевать будет?.. А портянки стирать?.. Да я тебе, дура старая, да я тебе, – голос дедка сорвался, превратился в собачье поскуливание. – Да я тебе...

Он долго, может быть, выбирал бы старухе мстительное наказание, если бы не заметил на крюке, вбитом в сруб, второй моток вожжей.

– Уж ты погоду, красавица!

Дедок схватил вожжи, размотал, ловко перекинул через ту же перекладину, всунул голову в смастерённую им же петлю. Но с первого разу вздёрнуться не удалось: ноги до земли доставали свободно, а руки непроизвольно рвали душивший старика ремень. Тогда дед, заметив в стороне откатившийся подойник, сделал всё так же, как его старая. Сам он ни о чём уже не задумывался. Хотелось только догнать бабуку, хоть на том свете, но наkostenить ей по шее за такой вот центрофугический пердомонюкль.

Долго ли коротко ли, а отправился старый догонять корову и супружницу свою на пути в Царствие Небесное. Всё бы хорошо, да совсем забыли старики, что оставили они сыновей здесь сиротствовать. Вскоре старший проснулся и ну бабуку кликать, мать свою. Мол, неча старрой бездельничать, пора сынку опохмеловку в постелю ташшуть. Да где там! Ни старухи, ни стаканчика. Встал мальчонка, да видать не с той ноги, потому как сразу отправился в хлев.

А ступив туда!.. В общем, на пол не рухнул, только башкой встряхнул, яко пёс лохматый. Вырос он уже давно, испужался, однако. Выскочил из хлева анбарного и помчался, куды глаза глядят. А далеко они у него после вчерашнего вовсе не глядели. Добежал парень до озера, рухнул на колени, напился прямо возле берега, вытер губы тыльной стороной ладони и мозгами пораскинул:

– Выходит, корова сдохла! Околела, то есть. Выходит, старики гикнулись! Преставились, значит. Что жа выходит? Выходит в Колыму за убийство загонют! Никто не поверит, что сами они. Никто, как пить дать!.. Пить... а опохмелиться всё-таки не грех.

И только парень вдругорядь к воде наклонился, а ему оттудова рука с бутылкой, даже с четвертью в кулаке зажатой. Парень поначалу отворотил морду-то, так ведь кто ж от выпивки дармовой отказывается? Да ещё с устатку. Схватил он пузырь, откупорил и приложился к горлышку, да так, что вылакал всё, не отрываясь. Последнюю капельку на ладонь из бутылки вытряхнул, и затылок себе смочил. Глядь! Возле него, будто Алёнушка на камушке русалка пристроилась. Настоящая!

– Ты, – говорит, – старшенький в семье-то будешь?

– Ага.

– А чё летел к озеру, как скипидаром смазанный? Случилось чё?

– Дык, – икнул парень. – Дык старики-то вздёрнулись! И корова.

– Тоже повесилась?

– Не-а. Сама окочурилась. Чё делать, ума не дам?!

– Ай, не надо мне ума твоего, – хохочет русалка. – Лучше я тебя богатеem сделаю. Хошь али нет?

– На халяву? – выпучил парень глаза. – Ну, ты, блин, даёшь! Я, типа, утопнуть думал, а ты, как бы, в богатые зовёшь. Какой же дурак откажется?

– Будешь, будешь богатым. Ноне же будешь. Только...

– Чё? – насторожился парень.

– Да так, пустяки, – бледные щёки русалки покрылись рыбным румянцем, хвостом она взбаламутила за ночь набежавший ил и, чего никак нельзя было ожидать от водяной нечисти, смущённо потупилась.

– Говори, говори, – приосанился перед бабьей смущённостью кавалер. – Я, блин, типа, всё могу. Тем более опохмелившись.

– Вот это меня и тревожит, – пролепетала русалка и поддала хвостом пустую бутылку. – Я... я мужика хочу поиметь, – снова потупила она глазки. – Я ведь тоже всё могу, и богатым ты будешь. Только...

Русалка не успела досказать, а парень уже на четвереньках полз к ней. Встать на ноги у него не хватило сил то ли после вчерашнего, то ли после опохмелочной четверти. Во всяком случае, стащить русалку с камня у него сил хватило, но и только. Как ни билась возле него баба-рыба, как ни изгалялась – всё бестолку.

От этакой «игры любовной» русалка пришла в бешенство. Над ней, над озёрной королевой какой-то алканафт издевается! Она отпустила незадачливому любовничку мокрую хвостовую оплеуху пониже спины, отчего тот взлетел на воздух и с шумом рухнул в озеро, пустив по глади множество брызг и пузырей.

А тут пришло время проснуться второму, среднему братцу.

Этот не стал, как братуха, дожидаться заутреннего лафитника, а сам спустился с сеновала и поначалу заглянул в погреб, где в тёплом углу дремала холодная бутылка с мутными самогонными внутренностями. Плеснув пойла в ковшик и благополучно его осушив, средненький тоже поперся в хлев. Вероятно, дорога у всех одна была, то есть не дорога, а судьба такой.

Когда парень узрел вздёрнувшихся родителей и почившую в бозе Бурёнку, откушанный самогон тут же запросился назад. Метнулся парень из анбарной хлевятины и тоже к озеру. Подбежал к воде, также бухнулся на коленки, лакнул водички свежей, что б нутрянной огонь погасить. И вдруг голос нежный девичий услышал:

– Не переживай ты так, молодец. Не было ещё в жизни ничего такого, чего исправить нельзя.

Оглянулся мужик, а совсем недалеко возле камушка русалка на берегу развалилась. Волосы зелёные, очи чёрные, даже губы кармином испачканы.

Красота, да и только. Хвостом русалка в прибрежной волне играет, а рукой кокетливо причёску поправляет и многообещающе так улыбается. У парня даже челюсть отвалилась.

– Ты не удивляйся, молодец, – очередной раз улыбнулась белорыбица. – Нравишься ты мне. Очень нравишься. Хочешь, я сказочным богатством тебя одарю? Хочешь, стариков твоих с животинной оживлю? В сказке всё возможно.

– Ага, – кивнул парень.

– Ага, ага, – передразнила русалка. – А сам-то ты чево подарить можешь?

– А смог бы я чевой-то подарить, – браво ответил парень, – только ты ведь не настоящая баба. А я бы хоть сейчас. За мной не заржавеет.

– Не волнуйся, милый, не пужайся, – усмехнулась рыб-девица. – Всё у меня, как у настоящей бабы. Тебя вот только не хватает. А постараешься если, так я тебе малька рожу.

Подобрался средненький к девице-водянице и ну её за холодную грудь лапать. Возился он с ней, возился да как-то ничего у него не получилось. Осерчала русалка, подкинула парня в воздух. Тот сразу же занырнул вслед за брательником. Утоп то есть.

И всё бы ништяк, да что-то тут не так, который «таким» размочить надо. А кому энтó, как не младшенькому, полу-умному? Вот он уже по дороге бредёт, к озеру подбирается, да по пути гениальные слёзы проливает. Вышел на то же место, а там русалка на камушке дожидается. Осерчала она шибко на двух женихов несостоявшихся, и на этого тоже с подозрением поглядывает.

– Скурвились мужики. Любую бабу на водяру променяют, – ворчала она.

А младшенький горем обиженный, печалью придавленный, согнал бабу-рыбу с камушка, сам уселся, чтобы всласть наплакаться. Ан, нет. Русалка-таки тут как тут. И этому тоже богатство предлагает даже в американских рублях, за один только разик любовью-лаской одарить. А младшой вовсе не глядит на неё, знай себе, слёзы проливает. Но всё-таки дошло до его гениального сознания, чево русалке надобно, и за какую грандиозную цену. Это ж надо-ть такому счастью подвернуться!

– Да чево уж там, – промолвил молодец, вытирая горячие слёзы. – Ты ведь баба хоть куда. Тебе, типа, как бы, одного-то раза маловато будет, поди?

– А ты и пару раз сумеешь? – ахнула белорыбица.

– Нет проблем. И пару, и, типа, как бы, тройку разов. Вот только...

– Что? – наострила уши русалка.

– А если десять?

– Ой, милай-ай! – захлопала в ладоши красавица. – Ой, да неужто мне с тобой так повезло? Да я тебя за это не только богатством одарю. Я тебе...

– Одаришь, одаришь, – перебил её парень. – А ну как меня на двадцать или двадцать пять разов предостаточно будет? Понравлюсь я тебе такой?

– Молодец ты мой ненаглядный! – закатила глаза русалка, предчувствуя шикарную поживу.

– И старуха, и вдова, и замужняя едва любят это дело, так чего ж скрывать, – хмыкнул парень. – Только вот боюсь я, когда ты шибко много разов получишь, то не околеешь ли, как наша коровушка?

И по его щеке снова пролилась скупая мужская слеза, поминальная...

Сказка про волчицу

Волчица бежала вдоль ночного шоссе, прижимаясь к земле и сливаясь с темнотой в моменты, когда мимо проносились железные повозки с большими яркими глазами. Она уже знала – это автомашины. Откуда? О, это была тайна её жизни, её триумф!

Она с детства жила на лесистом холме, охотилась, как мать, как отец, как всё их волчье семейство. Но любопытство – ах, эта страсть, снедающая её с детства.

Иногда в их волчью вотчину приходили люди. Они бродили посреди сосен на задних лапах и странно аукались. Мать с детства строго-настрого запрещала показываться людям, тем более – подходить. Но что ей родительские запреты? Однажды она в лесу увидела совсем маленького человечка. У него были красивые голубые глаза и большой белый бант на голове. Мать рассказывала, что люди ходят с ружьями – это такие железные палки – и убивают всех волков. Даже маленьких. Но у этого человечка в руках была только берестяная коробочка, куда он собирал ягоды.

Волчица выпрыгнула из кустов и упала прямо у ног человечка. Тот тонко пискнул и свалился на спину. Потом он сел, а волчица припала на передние лапы и вильнула хвостом, но смотрела всё равно настороженно: не достанет ли человечек откуда-нибудь ружьё?

– Ой, щенок, – сказал человечек тонким голосом, – ты чей? Ты потерялся?

Человечек протянул переднюю лапу и хотел дотронуться до загривка. Шерсть у волчицы вздыбилась, но она не тронулась с места. Может, у людей принято здороваться, не потёршись носом об нос, а протянув лапу? Так и случилось.

Человечек погладил волчицу, и ей даже стало приятно.

– Хороший, хороший, – пропищал человечек, – ты чей? Ты из дома убежал? А почему без ошейника?

Волчица не знала, что всё это означает, но, наверное, что-то хорошее, потому что рука человечка была тёплой, ласковая.

Вдруг за кустами послышался голос:

– Люша! Люша! Ты где?

Волчица вскочила и одним прыжком перемахнула поляну, остановилась, повернулась всем телом, посмотрела на человека. Тот стоял, глядя растеряно. Берестяная коробка валялась у ног, ягоды красными точками разбросались по зелёной траве.

– Люша! – опять послышался голос.

Надо уходить, поняла волчица. Это может быть самый настоящий охотник. Очень даже запросто. Она ловко перепрыгнула через кусты и помчалась вглубь леса.

У подножия горы, возле самой опушки, стояли человеческие берлоги. Но до чего странные эти люди! Вместо того, чтобы вырыть, например, под поваленной сосной уютное логово, так они то же самое делают из брёвен. Такое логово продувается со всех сторон, да и подобраться к нему легче лёгкого.

Подобраться волчица решила в ближайшее же новолуние: там она отыщет маленького человечка и позволит ещё раз погладить её по загривку.

Так она и сделала. Подползла к человеческим берлогам по всем правилам волчьей науки, но проклятые псы – помощники охотников – всё-таки учуяли её и подняли такой лай, что пришлось уносить ноги, пока не выскочили из берлог охотники.

Тогда она стала приходить днём и из кустов на опушке следить за человеческим жилищем.

Однажды ей повезло. Совсем близко на тропинке волчица увидела знакомый белый бант. Она так же ловко выпрыгнула из кустов и упала у ног человека. Тот снова пискнул, но узнав волчицу, спокойно подошел к ней и протянул лапу.

С этой поры они стали встречаться каждый день. Вместе играли, кувыркались на лесных полянах, даже купались. Человек оказался девочкой по имени Люша. Всё это волчица узнала, поскольку Люша стала обучать её человеческому языку.

Волчица делала поразительные успехи. Разговаривать у неё не получалось, зато всё, что говорила Люша, волчица прекрасно понимала. Она уже знала, что лесистый холм называется Николиной горой, что человечески берлоги – дачи, что Люша живёт в городе. Хотя что это такое понять было пока невозможно. Но сильнее всего заинтересовало её то, что в городе есть Зоопарк, где живёт много-много животных и даже есть слон, и жираф, и крокодил.

Потом наступила зима, Люша уехала. Наверное, в город. Но волчица уже настолько обучилась человеческой речи, что стала понимать не только свою подружку, а и всех людей. Это была её тайна.

Зимой на некоторых дачах тоже жили, но в основном охотники. Волчица безошибочно научилась распознавать своих врагов: почти все они были толстые, с маленькими заплывшими глазами. Даже воняло от всех одинаково. От этой вони хотелось чихать и волчица убегала подальше, чтобы не выдать своё присутствие.

Но были и другие люди. Они разговаривали, разговаривали обо всём, а волчица слушала и запоминала. Она впитывала в себя информацию, словно губка. И очень обрадовалась, когда услышала в одном из разговоров про Зоопарк. Ещё летом Люша рассказала, где он находится.

– Только тебе, – говорит, – туда всё равно не добраться. А со мной нельзя. Я когда узнала от папы, что ты волк, ничуть не испугалась. Ты мне веришь? Но это я не испугалась, а другие испугаются и убьют.

Пришла весна. Потом новое лето. Люши не было. Волки разбрелись кто куда: многие попали в лапы охотников прошлой зимой, другие просто ушли. Лес опустел.

И тогда волчица решилась.

Как стемнело, пробралась к дороге и вдоль неё, прячась за кустами, за деревьями, обходя многочисленные дачи, двинулась к городу. Скоро на пути стала неодолимая преграда: крутая насыпь, по верху которой непрерывным потоком неслись железные повозки с яркими глазами, которые называются у людей автомобилями. И только в одном месте в насыпи была широкая дыра. Но и там изредка проскакивали железные и глазастые.

Волчица долго выжидала. Потом, уловив момент, стрелой промчалась под мостом и сразу в сторону, в темноту. Всё получилось. Правда это была уже обманчивая темнота. Совсем недалеко волчица увидела множество ярких глаз, как на железных повозках, даже намного ярче. Это и есть город – поняла она.

Темнота здесь сохранилась только обрывками, клочками, пятнами. Но и к этому волчица приспособилась. Только за одну ночь ей до Зоопарка добраться не удалось, и целый день до вечера пришлось прятаться в подвале одной очень большой дачи. Но с наступлением темноты волчица опять отправилась вдоль дороги: всё прямо, прямо. До моста. За ним надо будет свернуть чуть в сторону.

Пока всё шло хорошо. Просто она не знала, что бродячих собак в городе великое множество и что внимания на них никто не обращает. У моста через реку ей снова пришлось долго ждать. Люди в этой части города ходили туда-сюда даже ночью. Но, наконец, она проскочила и мост.

Зоопарк волчица узнала издали. По запаху. Так могут пахнуть только звери. Но к родному звериному запаху примешивался ещё какой-то, незнакомый.

Пробежав вдоль забора, она обнаружила лазейку и юркнула туда. Сразу стало тихо. Сюда почти не доносился рёв железных повозок, не было ослепляющего света. А вот темнота была и по ней волчица порядком соскучилась. Только луна сегодня светила во всю мощь, но это было уже своё, родное.

Куда же идти? Люша говорила про слона, но не рассказала какой он. Где его искать? Вдруг в глубине Зоопарка раздался вой. Вой одинокого волка! Не может этого быть! Люша ничего не говорила про волков.

Волчица подалась на вой и скоро вышла к скале, вокруг которой стояла высокая загородка из прутьев с заострёнными наконечниками. В скале виднелось логово, а возле сидел большой серебристо-серый волк и, подняв морду к луне, пел. Пел что-то своё. Даже волчица не смогла сразу понять – что?

Скорее, это была вовсе не песня – плач! Ведь он никуда не мог выйти, не знал, что такое запах ветра, шум леса, не испытывал азарта погони за добычей, не прятался от охотников, не дрался с сородичами, доказывая свою силу. Да, это был плач. Плач пустоты.

Волчица тихонько позвала его:

– Эй!

Серебристо-серый замолчал, повернулся в её сторону всем телом – иначе волки не умеют. Потом осторожно подошёл к изгороди, просунул сквозь прутья морду. Они потёрлись носами.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Вака. А тебя?

– Я не знаю, – опустил он голову.

– Как так – не знаю? – не отставала она.

– У меня кличка есть – Серый. А имя не помню. Ведь я ещё щенком сюда попал.

– Бедный. Плохо тебе?

– Хорошо! – ощерился он. – Ты кто? Что тебе надо?

– Я Вака, – повторила она.

– Вака, а ты... а ты как здесь? – спросил он уже более миролюбиво.

– Я из лесу.

– Лес. А что это такое?

– Долго рассказывать, а мне уже пора. До свету надо назад успеть, – она повернулась, чтобы уйти.

– Ты ещё придёшь?

– Если ждать будешь, – она кивнула и побежала к дырке в заборе.

– Обязательно буду. Вака!

Но этого она уже не услышала. Ей действительно надо было быстрее убираться из города.

И вот сейчас Вака снова пробиралась знакомым путём. Времени на дорогу уходило намного меньше. Вдруг в ноздри ударил тревожный запах. Пёс! Почти сразу она увидела его. Мощный, с обрубленным хвостом и приплюснутой мордой. Пёс! Значит, где-то рядом охотник! Раздумывать не приходилось: или он, или я! Но об этом Вака подумала уже в прыжке. Мгновение – и челюсти сомкнулись на горле пса. Тот свалился, не успев даже обнажить клыки. А Вака была уже далеко.

Увидев знакомую дырку в заборе, она обрадовалась: не закрыли! Потом, уже подбежав к вольеру со скалой, с досады чуть не заскулила по-щенячьи.

Серебристого не было! В логово что ли забрался бирюк-заспиха?

Вдруг откуда-то, будто из-под земли:

– Ты всё-таки пришла?

Вака даже присела.

Потом разглядела у самой изгороди небольшую ложбинку, где серебристый устроился, высунув морду меж прутьев, как бы ловя запахи: вдруг донесётся запах леса?

– Да, это я. Вставай, я за тобой.

Серебристый сел и оскалился:

– За мной? Может, ты по дороге у какой-нибудь вороны крылья оборвала, чтобы мне отсюда вылететь?

Волчица отбежала чуть в сторону, примерилась к высоте изгороди. Волк тоже отошёл, посмотрел.

– Нет. Высоко. Мне недопрыгнуть. Да и зубцы там острые, – Серебристый опустил голову.

– Ерунда, допрыгнешь, – уговаривала Вака. – Ещё как допрыгнешь. У тебя будет имя!

– Нет, не получится...

Тут Ваку проняла такая злость, что она сама чуть не выпрыгнула из шкуры. Стоило ли рисковать из-за этого... тьфу ты, и волком-то его назвать стыдно!

– Я вижу, кошачий Кити-Кэт у тебя самая любимая еда? – ехидно осведомилась волчица. – Что ж, ты её достоин. Попрошу ещё свою знакомую Люшу, что б она тебе тёплые штанишки на зиму сшила. Знаешь, как у шавок домашних. А то ещё отморозишься, бедненький.

Вака повернулась было, чтобы уйти, но вдруг сзади раздался даже не рык – рёв. Она оглянулась. Тело серебристого взметнулось прямо с места, словно пружина, и, едва задев острие ограды, перелетело через неё. Серебристый рухнул рядом, перекувырнулся, оглушённый и остался лежать. А Вака подбежала к нему, обнюхала, заметила на боку глубокую царапину, оставленную остриём ограды, приняласьлизывать.

– Ну, вот. Крови уже нет, теперь быстро заживёт, – Вака старалась успокоить Серебристого. – Нам пора. До рассвета надо успеть.

Они рядышком потрусили к дырке в заборе, за которой где-то там, далеко, их ждал лес.

Сказка про Пушкина

Ворота помещицкой усадьбы на Васильевском распахнулись, и мимо склонившихся в почтительном поклоне дворовых в усадьбу въехало ландо с восседающим на козлах лихим возницей, одетым в тёплый суконный армячок красного цвета, который, по мнению хозяйки, гармонически вписывался в цвет деревянной обшивки экипажа.

Сама хозяйка сидела, откинувшись на заднем сиденье, лишь мельком бросив удивлённый взгляд на парадный подъезд дома, до сих пор не распахнувшийся. Ей действительно было странно видеть закрытые двери вместо множества радостных слуг, спускающихся по ступенькам крыльца навстречу прибывшей хозяйке.

– Барыня! – послышался надсадный девичий вопль. – К нам барыня пожаловали!

Девка орала прямо от ворот, тоже заметив, что никому из дворовых дела нет до конского топота и шума.

– Барыня пожаловали! – ещё раз возопила девка.

Тут только парадные двери особняка приоткрылись, пропуская во внешний мир мужика в горошковой чёрной косоворотке, но зато прикрытой добротной габардиновой жилеткой.

– Охти мне, матушка! – заохал мужик, живенько спускаясь с крылечка, набегу стягивая картуз с модно треснутым лаковым козырьком. – Матушка! Не гневайтесь! Мы ни чичас вас ожидали! Ни чичас!

Барынька уже стояла в экипаже, только сойти на землю из-за отсутствия ступенек не могла. Русский мужик, он и есть мужик. Пока бежал к ландо, успел два раза нахлобучить и тут же сорвать картуз. А подскочив к экипажу, бухнулся на колени и подставил хозяйке собственную спину вместо ступеньки. Та глянула на подобострастие, удовлетворённо кивнула, но всё-таки выхватила у возницы плетё и хлестанула с оттяжкой по распростёртому под экипажем дворовому, чтобы не опаздывал вдругорядь, да чтобы остальным неповадно было.

Скорчившийся у ландо мужик дёрнулся под жгучей плетью, но голоса не подал. Это хозяйке пришлось по душе и она, кинув не глядя плетё вознице, чуть подняла обеими руками подол дорожного платья и ступила башмачком на спину дворового. Тот не пошевелился, даже не вздрогнул, и барынька спокойно сошла на усадебный двор, усыпанный мелким гравием.

Сцену сошествия барыни в народ наблюдали дворовые, высыпавшие всё же на крылечко. Один из них в парадном сюртуке спустился к хозяйке и, отвесив ей протокольный поклон, произнёс с деланной учтивостью:

– Экономка Валентина Геннадиевна ждёт вас, Людмила Николаевна, как и было приказано. Горничные уже пошли за ней.

– Молодец, Вольдемар, – кивнула хозяйка и протянула ему руку для поцелуя в знак снисходительности. Тот с удовольствием припал к руке барыни и даже осмелился поцеловать каждый пальчик.

– Ну, будет, будет! – Людмила Николаевна отняла руку, но улыбка на её просветлённом лице говорила о многом. – Поди-ка, пригласи Валентину в библиотеку. Да не забудь распорядиться, чтоб подали абсент.

Вольдемар ещё раз отвесил учтивый поклон и заспешил выполнять приказание. Меж тем Людмила Николаевна поднялась на крыльцо мимо склонившейся в поклонах челяди и приказала одной из девушек:

– Дашка, помоги мне сменить платье и привести себя в порядок.

Горничная поспешила за ней, а остальные начали разбредаться по своим делам. Шутка ли: барыня явилась в усадьбу и сразу за дела! Даже по мордам никому не нахлестала, ни зуботычин... вот только Кузьму отлупила. Ну, да что с него взять? И пару раз плёткой – разве это наказанье?

А у Людмилы Николаевны действительно было дело. И какое! После смерти мужа ей самой пришлось заниматься хозяйством, стать конезаводчицей. И всё бы хорошо, только муж у неё, новопредставившийся генерал-аншеф Качановский, занимался в прошлом разведением рысаков. Надо сказать, неплохо занимался, поскольку его рысаки ценились по всему миру и считались непревзойдёнными. Однако непревзойдённой та или иная проблема остаться не может, как бы этого не хотелось.

Людмила Николаевна чётко это понимала и решилась, наконец, взяться за управление хозяйством, переплюнув саму себя, пока то же самое не сделали другие. Благо был у неё знакомый ещё со времён юных лет Игорь Константинович Мешпухов, который одно время даже мечтал стать её мужем. Да не судьба, видать. Впрочем, какая тут судьба? В своё время полковник кирасирского дивизиона Василий Иванович Качановский успел во время посвататься и взять в жёны девушку, подходящую и родом, и красотой. Потом полковник Качановский стал генералом, генерал-аншефом... а потом уже занялся выведением породы рысаков. А Игорь Мешпухов, друг детства Людмилы Николаевны, так и остался в стародавних знакомых.

Даже не женился.

В библиотеке на ломберном столике стоял поднос с абсентом и различными фруктами в маленьких вазонах. Возле окна стояла Валентина Геннадиевна, верная экономка и даже далёкая родственница Людмилы Николаевны. Она нервно курила пахитоску и читала «Ведомости». В этом положении барыня её и застала. Та сделала глубокий реверанс, согнала с глубокого кресла кота и усадила вернувшуюся домой барыню. После нескольких дежурных фраз приветствия, Валентина Геннадиевна решила для начала поделиться задевшей её новостью, вычитанной в «Ведомостях».

– Людмила Николаевна, вы не представляете, что нынче изволил выкинуть Бенкендорф! – начала она издалека.

– Что же, если не секрет? – Людмила Николаевна удобно устроилась в кресле и взяла в руки один из кубков богемского стекла, по которым уже был разлит абсент.

– Вовсе не секрет, – продолжила Валентина Геннадиевна. – Он дал указание выпустить в свет наиболее полное собрание сочинений какого-то Пушкина!

– Чем же он провинился?

– Как?! Людмила Николаевна, вы меня поражаете! – всплеснула руками экономка. – Всем известно, что господин Пушкин и господин Боратынский посмели выпустить совместно книгу, которая ни одобрения, ни внимания государя не получила. Более того, оба претендуют на изобретённую ими форму русского языка!

– Ну и что? – пожала плечами барыня.

– Как что, Людмила Николаевна? – возмутилась экономка. – Этот Александр Сергеевич замахнулся на форму стихосложения, утверждённую самим Державиным! И, между прочим, вы прекрасно знаете, что самым модным поэтом в России является господин Кукольник, пропагандист и ученик школы Державина. Куда же Пушкин с Боратынским лезут? И замахнулись не слишком ли?!

– Может быть, и слишком. Нам-то что до этого?

– Да нет, ничего, – стушевалась Валентина Геннадиевна. – Просто этого Пушкина читать никто и никогда не будет, а господин Бенкендорф хочет это сделать приказным порядком. Нет уж, дудки!

– Ну, будет, будет! – одёрнула её Людмила Николаевна. – У меня тут проблема посерьёзнее.

– Что случилось? Чем могу быть полезна? – наострила уши экономка.

– Можешь. Конечно, можешь, – благосклонно кивнула барыня. – Я с тобой и раньше хотела посоветоваться, да суета одолела. Ты, надеюсь, помнишь Игоря Константиновича?

– Мешпухина? А то как же! Так он был в вас влюблён, так влюблён! Может быть, поэтому и не женился.

– Я о другом, – отмахнулась барыня. – Тут в моё орловское конезаводческое хозяйство пожаловали английские лорды по приказу своей королевы.

– И что? – удивилась экономка.

– А то, что они выбрали одного жеребчика! – объяснила хозяйка. – Прямо скажу, – красавца. И обещали огромнейшие деньги за жеребят от этого красавчика.

– Так это ведь хорошо! – обрадовалась Валентина Геннадиевна.

– Хорошо то, хорошо, – нахмурилась барыня. – Но был в это время со мной Игорь Константинович, который в конях разбирается много лучше меня, если не лучше всех конезаводчиков вместе взятых.

– И что он присоветовал?

– Присоветовал кастрировать этого красавчика, мол, поэтому от него жеребят будет не слишком много, но слишком уж прекрасных. А те деньги, которые заплатят за жеребят, окупят все затраты и обеспечат создание новой породы.

– И что вы?

– Я послушалась, – уверенно кивнула Людмила Николаевна. – Послушалась! Ведь Игорь Константинович плохих советов никогда не давал и не даст. Только вот жеребец что-то...

– Он... подох?..

– Вовсе нет! – опять отмахнулась барыня. – Он такой же рысак. Лучше многих. Только вот жеребята от него почему-то больше не рождаются.

Людмила Николаевна встала, поставила бокал с абсентом на столик, подошла к окну. Сзади приблизилась Валентина Геннадиевна, взяла хозяйку под руку и тоже уставилась в неуютное небо, прокисающее над Васильевским островом, откуда вот-вот должен был сорваться дождь. Зачем? Чтобы омыть головы обеих дам? Но ведь они думали каждая о своём.

Сказка про искушение

Дождь степенно барабанил в забранное старинной чугунной решёткой оконце, больше похожее на крепостную бойницу, обстоятельно втолковывая всем желающим и нежелающим о грядущей октябрьской грусти, о скором наступлении Великого праздника Покрова Богородицы.

Монах Паисий сидел на высоком стуле с резной спинкой, чем-то смахивающим на греческую стасидию, задумчиво перебирая чётки. Бегут, бегут меж пальцев бусинки – совершается молитва. Взлетает она, словно горлица, в Горний храм, опускается к ногам Спасителя, распластывает пред Ним крылья свои, просит заступления. Молится монах, молится за род человеческий, чтобы простил Господь грехи наши нелепые, молится за жизнь нашу, сгорающую на греховных углях.

Поодаль, у противоположной стены на скамеечке, примостились два послушника. Так же мерно перебирают они чётки – учатся молитвословию. Тихо в келье, только дождь всё скребётся в окно. Настойчиво и монотонно, верно хочет, чтобы его услышали и послушали грустные дождевые истории. И, если исповедания эти вызовут сочувствие, то вероятно кому-нибудь захочется поплакать вместе с дождиком – кто разбирать станет, слёзы это или капли осеннего ненастья струятся по щекам.

– А было когда-то, – вдруг произнёс монах, не обращаясь ни к кому, но оба келейника обратились в слух, – было когда-то, аккурат под Покров, в Кавказской пустыни искушение одному отшельнику.

Монах на какое-то время замолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли прислушиваясь к жалобам дождя за окном. Обернулся к отрокам: оба с нескрываемым интересом смотрели на старца, приготовившись послушать одну из историй, которыми тот баловал их иногда. Знали: просто так батюшка ничего не рассказывает, и, если уж суждено им услышать сегодня что-нибудь, то рассказ этот может послужить опорой, маяком на грядущем жизненном пути монашествующих.

– Был в Кавказской пустыни монах Виталий. По жизни своей строгой и послушанию получил он от игумена благословение на отшельничество в одной из пещер неподалеку от монастыря. Любит Господь любящих Его, помогает молитвенникам. Помог и этому: послал ангела в помощь. Что говорить, темно ангелу в нашем мире, но помочь молитвеннику Божию – высшее благо. Почти неотлучно был ангел со старцем в пещере, учил молитве, держал перед ним раскрытую Псалтирь. Стоит ли говорить, что пещерка отшельника, когда в ней находился ангел, наполнялась Фаворским светом и благоуханием.

Но вот в один из таких же дождливых дней забрела в места эти девица молодая...

– Куда же наши-то подевались?! – ворчала с досады девушка. – Ведь сказали же: пойдёшь прямо по тропинке, никуда не сворачивай, увидишь ветлу раскидистую – она одна там растёт, а за ней недалеко и поляна, где лагерь разбит.

Ветла попалась девушке навстречу, как и было сказано, значит, идёт правильно. Только здесь едва заметная тропинка всё круче и круче уходила вверх, в горы, а никакой поляны и разбитых возле неё палаток не было! Тут дождик этот ещё как на грех, если только сплошную стену тропического ливня, вмиг промочившего и одежду, и душу, и сердце можно назвать просто дождиком.

Какой же у них тогда ливень, если это – только дождик? К тому же рюкзак, сразу ставший вдвое тяжелее, сдавливает девичьи плечи железной хваткой, толкает в спину, будто сломать хочет.

– Ой, что-то похожее на свет! – обрадовалась девушка. Только поляны не видать. Палаток тоже. Ну да ничего, где свет – там люди. Подскажут, если заблудилась.

Сквозь серую саржу дождя явно проглядывало светлое пятно, но к нему надо было подняться ещё выше. Тропинка, мокрая, скользкая, бегущая по краю пропасти, здесь вообще превратилась в настоящий каток. Хорошо хоть, что вместо кроссовок она надела настоящие горные ботинки. Пусть обувь эта не слишком изящно сочетается с оголёнными по колено дамскими ножками, но ведь не ножки она пришла показывать. В походе всё должно соответствовать требованиям: обувь – удобна, одежда – не сковывающая движений, рюкзак...

Вот здесь было плоховато. Девушка ещё не умела собирать рюкзак так, как надо и он издевался над своей хозяйкой, навёрстывая своё, мстя за безграмотно утрамбованные в него вещи.

Меж тем, цепляясь за чахлые кустики терновника, скользя, срываясь, но добралась-таки она до верхней площадки. Оказалось, что яркий свет льётся из расселины в скале и, кабы не светлое пятно, пробивающееся сквозь сплошной ливень, расселину заметить даже с близкого расстояния было почти невозможно, тем более в «дождик».

– Где свет, там и люди, – повторяла она про себя, – а в горах люди помогают друг другу, иначе нельзя.

С этими мыслями девушка, встав на четвереньки, протиснулась в пещеру, волоча за собой надоевший рюкзак. Свет сделался ещё ярче. Послышались какие-то голоса. Вернее, один голос. Она увидела монаха в стареньком залатанном подряснике стоящего на коленях перед большой раскрытой книгой в тяжёлом бронзовом переплёте, которая словно на аналое лежала... в воздухе!

Этот факт так поразил девушку, что некоторое время она просто смотрела, открыв рот от удивления. Смотрела и всё, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Потом, оправившись немного, гостя принялась озираясь, разглядывая странное жилище и его хозяина.

Монах казался обычным, похожим на многих других, с длинной седой бородой, наперсным крестом на груди. Таких много в здешнем монастыре, где девушка уже успела побывать до этого. А вот жилище его, то есть, пещерная келья, взаправду вызывала любопытство.

По четырём сторонам почти круглой пещеры в базальтовых стенах, словно в кивотах, стояли иконы. Девушка не разбиралась в них, но отметила одно обстоятельство: все иконы здесь были особенно красивые, какие-то добрые, на них хочется смотреть, разговаривать с ними. Во всяком случае, даже в здешнем монастыре, называемом Новый Афон, таких чудесных икон, излучающих свет радости, не было.

Возле западной стены травяная подстилка с камнем в изголовье. Это что – постель? С камнем вместо подушки? Почти у самого входа стол, если несколько досок, положенных на камни, можно назвать столом. Возле него деревянное ведро с водой, стянутое кованым обручем.

Точно с такими вёдрами Емеля по воду ходил, когда шуку выловил. За дужку прицеплен ковшик для воды похожий на ендову. Две деревянные ложки. Одна – хозяйская, другая, верно, для гостей. Только еды никакой не видно. Нет, вон там, в баночке, немного изюму. И всё?

Эти сумбурные мысли кружились в голове девушки, но ведь хозяин пещерной кельи не ждал незваных гостей, а ему самому и этого хватало.

Старец, почувствовав, что в келье кроме него появился ещё кто-то, перестал молиться и оглянулся. У входа, казавшаяся существом иного мира, сидела на пятках девушка. Сзади виднелся огромный ядовито-жёлтый рюкзак с пристёгнутым вверху оранжевым спальником. Её светлые, хоть и слипшиеся от дождя волосы, обрамляли довольно милую мордашку. В больших зелёных глазах любопытство и удивление. Она похлопала несколько раз пушистыми ресницами, как бы подтверждая впечатление.

Одета девица была в короткие туристические брючки, туго обтягивающие бёдра, и блузку из марлёвки, намокшую от дождя, под которой... под которой...

Внезапно свет в пещерке погас. В полной темноте раздался гулкий металлический удар – это Псалтирь, закованная в бронзовый переплёт, рухнула на пол.

– Ой, – пискнула девушка.

Некоторое время было тихо. Тихо до такой степени, что слышались звуки капель, срывающихся с листьев кустарника у входа в пещеру. Девушка завозилась.

– Я сейчас, – снова подала она голос.

Что-то зашуршало. В пещерной темноте раздался треск растёгиваемой «молнии». Ещё через секунду снова вспыхнул свет. Но уже от фонарика, который девушка вытащила из рюкзака. Она подняла фонарик над головой. Монах всё так же неподвижно стоял на коленях, только голова его упала на грудь. Он плакал. Перед старцем на земле валялась окованная бронзой Псалтирь.

– Дедушка, – позвала хозяина кельи непрошенная гостья, – то есть, батюшка.

Простите меня. Я, вероятно, заблудилась. Я шла в туристический лагерь, а пришла почему-то к вам. Вот.

Решив, что объяснила всё как нельзя доходчиво и понятно, девица думала услышать какой-никакой ответ. Но сколько ни ждала – ответа не было. Тут пляшущий луч фонарика осветил на мгновение лицо монаха, и девушка заметила катящиеся по его худым щекам слёзы.

– Господи! – всполошилась она. – Дедушка, то есть, батюшка! Что с вами? Вы из-за меня? И свет у вас потух... Батюшка, я не хотела, простите!

Она достала из кармана брючек тонкий батистовый носовой платок, поползла на коленях к монаху и попыталась вытереть его слёзы. Старец удержал её руку.

– Не надо, чадо, – тихо произнёс монах. – Скажи лучше, ты по дороге ветлу видела? Она тут одна такая большая.

– Да, батюшка, видела, – закивала гостья. – Мне инструктор сказал, что как раз после ветлы должна быть поляна, где они разбили палатки.

– Ты ветлу обошла слева или справа? – снова спросил монах.

– Слева... кажись... А, может... Нет, слева. Был дождь и я ещё немного постояла под деревом. Потом пошла дальше.

– Тебе ветлу надо было обойти справа, чадо, – прошептал старец. – Там другая тропинка. А здесь... сюда и в сухую погоду пройти трудно – пропасти кругом. Как ты в дождь-то?..

Он немного помолчал. Потом раздумчиво добавил:

– Кажется, я знаю, почему ты по крутизне – в дождь, и не сорвалась нигде.

Значит, и назад пройдёшь. Иди, чадо, дождь перестал уже. Мне молиться надо.

Девушка послушно поползла к выходу. Потом всё-таки оглянулась:

– Батюшка, вам фонарик оставить?

Ответа опять никакого.

Она потушила фонарик, ощупью нашла «стол», положила на него свой подарок и выползла из пещерки. Дождь действительно перестал.

Монах поднялся, посмотрел на послушников, ожидающих рассказа, и подошёл к деревянной этажерке у окна. На одной из полок стоял ларец хохломской росписи. На крышке был запечатлен момент из «Искушений святого Антония». Старец осторожно прикоснулся к ларцу: открывать – не открывать? Потом всё-таки открыл. Внутри на белом батистовом платочке лежал обыкновенный электрический фонарик.

– Слышь, – толкнул один послушник другого в бок, – а ведь это...

– Братове, – оборвал его другой, – негоже тебе...

– Об чём шепчетесь? – прекратил эту возню пастырь. – Запомните. Не тот достоин внимания, кто искушен быв, а тот, кто переступил искушение во славу Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Сказка о нищем

В этот день шах Аббас был разгневан. Его новая триста первая жена не покорила ночью и не стала убаживать своего повелителя. А повелитель ли он, если ему противится женщина? Конечно, шах мог взять девушку силой, но он считал, что это ниже достоинства мужчины, а тем более владыки.

И ранним утром он вышел в сад, чтобы немного успокоиться.

Аббас любил бродить по своему чудесному саду, особенно в такие вот минуты душевных потрясений, потому что даже высокое происхождение и титул владыки мира не избавляли его от рутины. Совсем недавно шаха разгневал один купец, и он также бродил по саду, пока изворотливый ум не подсказал способ мести.

Можно было, конечно, отрубить купцу голову или бросить его в яму со львами. Но Аббасу хотелось выдумать казнь изощренную, которая будет мучить купца всю оставшуюся жизнь.

И выход был найден.

Купец этот собирался выдать дочь свою за визиря шаха Абу Али Бани. Визирь был умным и не раз давал шаху мудрые советы. Это хорошо, но умных-то шах и побаивался. А тут такой случай: и визиря приструнить, чтоб не умничал слишком, и купца вогнать в уныние. Тем более что он, как донесли шаху, в дочери своей души не чаял и не жалел для неё ничего: ни жемчугов заморских, ни рухляди таежной, ни лакомств диковинных.

Девушку схватили, притащили к шаху, но – виданное ли дело! – тут она сама воспротивилась.

– Э-э-э, ворчал шах, – яблоко от яблони недалеко падает.

Вдруг он услышал у садовой калитки, выходящей на улицу, громкие голоса. Его садовник Саид с кем-то спорил и шах, так и не придумав пока способ мести красавице, отправился посмотреть. Что случилось?

У садовой калитки Саид спорил с нищим дервишем. Одежда дервиша – вся в заплатах – говорила о том, что он много путешествовал, а белая повязка на остроконечной шапке свидетельствовала о посещении Мекки. Аббас подошел к спорщикам, и они тут же угомонились.

– Что хочешь ты, дервиш, и почему ты споришь с моим садовником?

– Видишь ли, шах, – отвечал тот, – хвала Аллаху, твой садовник добрый человек и он хотел подать мне милостыню. Но я не могу ничего принять из его рук, поскольку он сам подневольный и сам получает милостыню из твоих рук. Зачем же мне обижать его? Если мне здесь подадут что-нибудь, то это может сделать только хозяин, то есть ты, великий шах.

Аббас отметил, что дервиш говорил, не склонив головы, и смело глядя владыке в глаза. Черты лица его были правильны, утонченны и если бы не одежда, то такого человека трудно было бы назвать дервишем.

– Хорошо, – чуть помедлив, сказал Аббас, – будь по-твоему. Милостыню ты получишь из моих рук, но должен будешь принять моё условие: подскажи мне решение одной задачи, над которой я сейчас думаю.

– О великий шах, да будут благословенны твои дни, наказать женщину – дело и простое, и нелёгкое. Но я скажу тебе, как это сделать, если ты тоже выполнишь моё условие.

Аббас удивился: откуда дервиш мог знать мысли шаха, но, наверное, на то он и дервиш.

– Говори, я выполню любое твоё желание.

– Моё желание ничтожно, о великий. Наполни драгоценными камнями вот эту мою дорожную сумку.

Шах улыбнулся. Небольшая сумка, висящая на плече дервиша, не представляла опасности для казны, и наполнить её драгоценностями не составляло труда.

Аббас хлопнул в ладоши:

– Эй! Принесите из моей сокровищницы драгоценностей, да поскорее.

Слуги побежали выполнять приказ владыки, а сам шах всё так же с любопытством разглядывал собеседника. Но тот стоял смирно, опустив голову, пребывая в раздумье или молитве, не обращая ни на что внимания.

Тут послышался скрип гравия и голоса. Слуги несли сундук с драгоценностями.

– Наполните ему сумку, – приказал шах. Слуги принялись сыпать самоцветы в старую дорожную сумку дервиша, но, сколько они ни сыпали, а сума оставалась пустой, как и была. Вскоре сундук опустел.

Шах, не веря глазам своим, подошел. Заглянул внутрь сумы и ничего не увидел. Темнота ночного неба предстала пред ним, лишь где-то в этой темноте мелькали искорки, словно звёзды в полночи.

– Несите ещё драгоценности, – закричал шах, – я наполню эту суму, чего бы мне это ни стоило.

Слуги таскали драгоценности целый день, и целый день сыпали золото и самоцветные камни в сумку дервиша, но она так и оставалась пустой. Под вечер к калитке вышел казначей шаха и сказал, что казна опустела и что ничего больше не осталось.

Аббас медленно подошел к дервишу, опустился перед ним на колени и, утирая слёзы, сказал:

– Скажи, святой странник, кто ты? Теперь я такой же, как ты – я нищий. И ты можешь мне ответить. Скажи, из чего сделана твоя сума и куда девались сокровища?

Дервиш посмотрел на шаха долгим, как его нелегкий путь взглядом:

– Да, теперь ты уже не владыка, не шах. Снимай свой парчовый халат, надевай плащ дервиша и иди за мной – будешь моим учеником. А сума? Сума у меня скроена из ума. И что против него все сокровища мира?

Охотничья эллегия

1

Сухой гортанный треск выстрелов пронизывал пространство и, казалось, что всё вокруг наполнено жадой. Жадой крови. Жадой смерти.

– Уон! Уон! Исчѐ ван побѐжал! – закричал один из стрелков на невообразимом русско-английском сленге и вскинул ружьё с красивым резным прикладом. Но выстрелить не успел, потому что секундой раньше раздался дружный залп нескольких ружей и подстреленная дичь, перекувырнувшись в воздухе, упала замертво.

– Да, – сказал один из охотников на чистом русском, где-то даже с местечковым акцентом, – славная нынче охота была. Надо бы это дело обмыть. Вы как, братаны-американцы?

– Об-мыть? – жуя буквы, переспросил один из иностранцев.

– Ну, это. По маленькой! – и русский выразительно щелкнул себя по горлу.

Этот жест на всех языках звучал одинаково и был понятен, скорее всего, даже диким индонезийским племенам, встречающих белого человека не чаще раза в десятилетие.

Все оживились.

– О! Йес! По мальенькой!

Иностранец полез в бездонные закрома своего ядовито-желтого рюкзака, и вскоре на свет божий явилась бутылка водки с затейливыми синими кружевами на этикетке.

– Кристаллоуская.

– О, «Гжелка», в самый раз, – обрадовался русский.

Тут же откуда-то возникла корзинка со снедью, купленной явно не на каком-нибудь московском оптовом и, вероятно, не на русские «деревянные».

Когда содержимое бутылки перекочевало в походные пластмассовые стаканчики, русский произнес тост:

– За взаимопонимание охотников России и Америки!

Все дружно выпили.

– Эскьюз ми, Григорий, – обратился к русскому один из иностранцев, – а туморроу йес охота?

– Завтра? – переспросил Гришаня. – Конечно. Только в другом месте. И сейчас мы выпьем за завтрашнюю удачную охоту. Поехали!

2

В тот день Гришаня ввалился к своему закадычнику Лёвке без обычной бутылочки, даже пива не прихватил, но зато его сияющая физиономия была похожа на лампочку Ильича во тьме февральской революции.

– Мужики! – с порога рявкнул Гришаня. – Мужики! Тут такое делается, а вы всё никак от ящика отползти не можете. В комнате было тихо, и только страстные ахи и охи доносились от стоявшего в углу телевизора, на экране которого мелькали кадры второразрядной порнушки.

Лёвка и Семен – третий в их сложившейся компании – как положено на Руси не спеша, даже лениво, обернулись на вошедшего и вопиющего.

– Ну, чё ты там опять надумал, баламут, – Лёвка нажал кнопку на «лентяйке» и изображение замерло на экране в очень соблазнительной позе, лишь иногда вздрагивая, будто в момент сильнейшей эрекции.

– Мужики, я с зелёными познакомился! – похвастался Гришаня.

– С кем, кем?

– С зелёными.

– Голубых знаю, розовых тоже, а зелёные – это куда? – хохотнул Сёмка.

– Не, кроме шуток, мужики. Зелёные – это то, за что вы купите и голубых, и розовых, и красных, и ещё каких-нибудь, – парировал их товарищ.

Все выжидательно молчали, поскольку знали Гришаню довольно давно и не с лучшей стороны. А один из его образов – Гришаня-болтун – был наиболее опасен, так как можно было влипнуть в такую историю, что хватило бы отмываться до конца жизни.

– Народ, вспомните историю! – не унимался Гришаня. – Проданную и пропитую большевиками страну в одно мгновение возродил к жизни НЭП.

– А мы-то здесь причём?

– А притом, что сейчас такое же время настало. Ну, или примерно такое же. Но открывать новый магазин или супермаркет – дело хлопотное и неблагодарное. Здесь надо по-другому.

– Опять хреновину какую-то выдумал? – хмыкнул Семён.

– Да не я, не я. Сам Его Величество Случай нам помогает. Неужели же мы судьбу за хвост не ухватим?

– Скользкий? – поинтересовался Семён.

– Кто? – не понял Гришаня.

– Ну, хвост твой скользкий?

– Да вы просто не врубаетесь! Я же с зелеными связался!

– Это мы уже слышали, – зевнул Лёвка.

– Ах, так! – окрылся Гришаня. – А это видели? – и он лёгким движением руки вытряхнул на журнальный столик несколько стодолларовых бумажек.

В навалившейся тишине отчетливо можно было услышать учатившийся стук сердец, подгоняемый спёртым в зобу дыханием.

– Зелёные, – прохрипел Семён.

– Ага, начинаем въезжать, – подытожил Гришаня, – теперь, господа, извольте слушать не перебивая.

3

Прокуранный полумрак пестрого зала в Центральном Доме Литераторов был как всегда полон людей, идей, вдохновений, рифм, энергетических выплесков и выбросов. В общем, всего того, что наполняет кузницу человеческих душ, где их не просто выковывают и перековывают, а ещё учат быть идейными и непримиримыми к окружающему и наступающему отовсюду врагу.

За одним из столиков расположилась довольно многочисленная и пёстрая – подстать окраске зала – компания. Четверо из них – один седовласый ухоженный джентльмен и три чопорные оштукатуренные дамы – явно принадлежали к забуторному процивилизованному обществу. Остальные – и молодые, и не очень – были наши, родные и к братьям-американам относились покровительственно, свысока, с высоты подвыпившей колокольни.

– Мы вас понимаем, друзья, – разглагольствовал молодой человек в модном крапчатом пиджаке, – ваше начинание – это панацея для больной природы России. А когда американцы поживут у нас в городах и деревнях, когда они ближе познакомятся с нашим народом, они перестанут бояться не существующей русской угрозы. А вместе, вместе мы сможем бороться за чистоту природы на планете, за экологический баланс Земли. И наши дети скажут нам завтра – спасибо!

– Йуноша, как уас зоувут? – спросила одна из представительских дам.

– Май нейм из Григорий, к вашим услугам. Григорий Меньшиков, – отрекомендовался Гришаня, ибо это был он. К его бравому виду не хватало только закрученных гусарских усов, ментика, да ещё, пожалуй, ненавязчивого бряцания шпор. Но и без шпор он был на высоте.

Случайно оказавшись среди гринписовцев, проводивших в Москве очередную экологическую программу, суть которой состояла в обмене семьями на какой-то период, причём американская семья должна жить в доме русской семьи, предоставив русским за это свой дом в Америке.

Гришаня сразу же окунулся с головой в эту грандиозную идею и при помощи вездесущих совдеповских лозунгов, немножечко подкорректированных по ситуации, быстро завоевал расположение и американских и русских членов ГРИНПИСа.

Он даже умудрился заключить контракт с американцами для поиска подходящей русской семьи и получить небольшой аванс, который сладко грел его революционную грудь международным зелёным пламенем свободы.

Всю эту историю Гришаня в красках и образах пересказал обалдевшим приятелям, которые, уже привыкнув не удивляться, все же очень удивились Гришаниной выходке.

– Ну и что теперь?

– Теперь? – Гришаня победно глянул на друзей. – Теперь надо организовывать фирму. Ведь договор у меня на физическое лицо. А нужно, как положено, на юридическое. Тем более, что надо будет ещё в штаты позвонить и переговорить с теми, кто собрался сюда.

– Это ещё зачем? – поинтересовался Лёвка.

– Балда ты, – презрительно сплюнул Гришаня. – Я же под крышей ГРИНПИСа буду сюда приглашать не простых братьянов-амриканов, а охотников.

– Кого? – не понял тот.

– О-хот-ни-ков, – отдельно произнес Гришаня. – У них в Америке ГРИНПИС всех задолбал. Так пусть в Россию приезжают охотиться. И мы им это организуем. За отдельную плату, разумеется.

4

Несколько последующих дней превратились для друзей в сплошные гонки с препятствиями. Надо было и в лицензионную палату и в регистрацию, и в налоговую, но... бессмысленно-смысловая беготня наконец-то благополучно закончилась и вся компания собралась на квартире у Лёвки отпраздновать рождение новой фирмы под пьяное шипение шампанского и голые попки издававших виды девиц, всё так же охающих на экране телевизора.

– А я бы вот с той, – Сёмка размашисто ткнул в экран пальцем, – с превеликим бы удовольствием.

– Если бы она тебе дала, чувак, – поддел Лёвка.

– Ой, да куда она денется? – не унимался Сёмка. – По мне и не такие страдали. Я вообще прелесть что такое.

– Ладно, ладно, трахарь-тяжеловес, – оборвал его Лёвка, – си-ди-ром-пей и не затрагивай сексуальную революцию.

Гришаня не ввязывался в начавшуюся было ссору. Он мечтательно смотрел куда-то поверх экрана телевизора и думал о своём. Потом решил всё же успокоить свою разгулявшуюся команду.

– Хватит лаяться, волки. Завтра уже первая партия охотников приезжает.

Встречать поедешь ты, Сёмка. Я в Шереметьево уже обо всём договорился, так что тебя на машине пропустят прямо к самолету. Понял? Только смотри у меня! – и Гришаня выразительно сжал кулак.

– Да всё хоккей будет, не переживай, – и Семка потянулся за шампанским.

5

Гришаня примчался в Шереметьево-Г на взмыленном «Жигуленке» и опрометью бросился в таможеню. Отыскав дежурного в досмотровом зале, он объяснил суть дела и его мигом пропустили во внутренние покои Шереметьевской таможни, куда вступали только сами господа таможенники и иже с ними контрабандисты.

В кабинете, очень похожем на медицинский, на угловом диване испугано ютились американцы, а Сёмка что-то доказывал дежурному, интенсивно размахивая руками. К счастью сквозь стеклянную перегородку, отделяющую прихожую от кабинета, его не было слышно.

Гришаню провели к заведующему сектором и, после предъявления официальных бумаг, объявили, наконец, причину задержания американцев.

– Итак, уважаемый Григорий Александрович, – начал заведующий, – мне, признаться, самому неприятно, что вышло как-то нехорошо с нашими американскими гостями. Тем более это первый опыт, так сказать. Вы же знаете, мы сами пошли навстречу, разрешив встретить гостей прямо у трапа самолета. Но все дело в вашем сотруднике. Когда гости проезжали Блок-пост, наш дежурный спросил как положено: – Наркотики? Оружие?

На что ваш сотрудник ответил: – Спасибо, не надо, всё есть. Нам бы чайку по стаканчику...

Я понимаю, возможно, он хотел пошутить, но ведь каждой шутке есть предел.

– Да-да, вы тысячу раз правы. Но нельзя же из-за какого-то болтуна разрушать грандиозную программу дружбы: Россия – Америка! Тем более и номера автомобиля, и все необходимые формальности давно учтены.

– Конечно, конечно, – таможенник был явно сконфужен, поскольку тоже приобщился Гришаниных учтенных формальностей, – со своей стороны мы обязательно извинимся перед гостями. Ну, а вы проведите, пожалуйста, беседу со своим сотрудником.

«Уж я с ним обязательно проведу беседу. Профилактическую», – подумал Гришаня и посмотрел на Семёна долгим деловым взглядом мясника, приготовившегося разделявать молодого, ещё резвящегося бычка.

6

Несколько дней пробежало незаметно в заботах о гостях и о себе. Но как-то ранний телефонный звонок поднял Гришаню из теплой постели. Он, ещё не успевший продрать глаза, взял трубку и сначала даже не мог понять: кто говорит и что от него хотят, поскольку на той стороне провода висела женщина-иностранка и по случаю крайней взволнованности несла русско-английскую ахиною, которую смог бы понять разве что китаец.

Наконец Гришаня понял, что его собеседница из русского отделения ГРИНПИСа и что его требуют «на ковёр».

– Пронюхали-таки! – ворчал Гришаня, старательно выбираясь из пробок на своем стареньком «Жигулёнке». – Но, с другой стороны, что они могут предъявить?

Ладно. Посмотрим.

Кабинет директора ГРИНПИСа встретил его угрюмым молчанием. За столом, в стороне от директора, сидели две знакомые Гришане оштукатуренные дамы.

– Так, – отметил Гришаня, – высшее руководство в сборе.

– Мы вас пригласили, Григорий Александрович, – начал директор, так как до нас дошли слухи, что под видом обмена стилем жизни, культурных мероприятий и прочего, что отмечено в договоре, вы устраиваете для американцев обыкновенное сафари! И это под нашей эгидой? Вы отдаёте себе отчет, что вы делаете, и во что это для вас выльется? А убитых животных... – директор поперхнулся то ли от того, что его тирада оказалась слишком длинной, то ли жаль было убитых животных, но возникшей паузой не замедлил воспользоваться подсудимый:

– А убитых животных нет!

– То есть как? – опешил директор.

– Видите ли, – Гришаня сделал театральную паузу, – у вас в Штатах ГРИНПИС имеет огромную власть и силу. Там вашу организацию попросту боятся, поскольку вы можете наказать обывателя не только огромным штрафом, но и тюремным заключением.

Директор утвердительно кивнул и Гришаня продолжил.

– Поэтому тем, кто к нам прибыл по обмену, мы предложили поохотиться на... тараканов. Да, да. Обычных московских тараканов в обычной московской квартире с обычными пневматическими винтовками. А тараканов в Москве!.. – Гришаня мечтательно закатил глаза. – Но ведь не потребуете же вы выписывать лицензию на отстрел тараканов?

Директор молчал. Видимо, ему просто нечего было сказать. И Гришаня понял, что бой выигран.

Сказка о покаянии

Сполохи багряных зарниц ещё слепили вечернее небо, но уже чувствовался единовластный приход царицы теней и мрака. Её лёгкое незримое касание проносилось по миру невидимой птицей и всё вокруг успокаивалось, всё подчинялось, всё склонялось перед ней величественной и великой, владеющей тайная тайных земли и мудростью Вселенной.

Иаков стоял на коленях у жертвенника и истово молился. Много в его жизни было и плохого, и хорошего. Но плохого... плохого, вероятно, больше. Поэтому Иаков молился. Он просил прощения у Всевышнего за то, что в ещё в ранней молодости обманул брата и купил его первородство за миску чечевичной похлебки. Но если бы только это! Он вдругорядь обманул брата. Родного брата. И отцовское благословение, предназначенное Исаву, получил он, Иаков! И получил опять же хитростью.

Сможет ли брат простить его?

После таких серьезных проступков пришлось бежать в Месопотамию, где он и жил до сего времени у родственника, работая на него и умножая его хозяйство за то, что дочек своих тот отдал в жены Иакову. Но что такое любовь женщины! Хотя нет, именно любовь жён загля в нём неукротимое желание вернуться домой, жить своей жизнью, жизнью своего рода.

Сможет ли брат простить его?

Ах, как трудно иногда бывает прийти к покаянию! Осознание своей неправоты не приходит сразу. Точнее сказать, никогда может не прийти, уж об этом-то враг рода человеческого позаботился как нельзя лучше: себе-любимого заставляя каяться? в чём? другие пусть каются! они больше согрешили предо мной и пред небом!

Вот так и уходит человек, но к Богу ли?

Сможет ли брат простить его?

– Конечно, простит? Надо только обмануть его, притвориться, что сокрушён содеянным, задобрить его подарками.

Голос прозвучал неожиданно, ниоткуда, из пустоты, и Иаков вздрогнул.

Показалось? Оглядев пристальным глазом округу, обойдя вокруг жертвенника и заглянув даже в шатёр, Иаков ничего и никого не обнаружил.

– Верно показалось, – подумал он опять. – Но голос был так явственен и осязаем. Что это? Или вновь Господь испытывает меня? Послать брату подарки? Да, это выход. И выход реальный. Только посылать надо не с целью обмана, а с целью покаяния. Брат увидит, что я для него ничего не жалею из того, что имею и простит меня.

– И купится на твоё мнимое покаяние, – опять откуда-то возник голос.

– Кто здесь? – Иаков встал перед жертвенником, всматриваясь в тугую, как мышцы горной реки, темноту.

– Да никого здесь нет, кроме тебя самого, – из темноты выступил статный черноглазый юноша. Голову его вместо покрывала венчал широкий золотой обруч с великолепным изумрудом во лбу. Диковинный халат переливался золотым же шитьём, а на боку висел большой кривой ятаган.

– А ты? Кто же ты? – осмелился спросить Иаков.

– Я? – переспросил тот. – Считаю что я – часть твоей души, твоей сущности.

Когда ты начинаешь какое-либо дело, то всегда советуешься со мной. И, согласись, я тебе честно помогаю. Разве смог бы ты заработать такое богатство в доме тестя твоего, не подкажи я, как обмануть его? Разве смог бы ты взять в жёны двух сестер и служанок их, не примири я женщин меж собою? Да и вернуться в землю свою разве смог бы ты, не подкажи я, как хитрее это сделать?

– Нет! Ты не можешь быть мной! Не можешь владеть душой моей! – в отчаянии воскликнул Иаков. – Я не звал тебя! Уйди, дух злобный и нечестивый!

– Гляди-ка, чистые мы какие, – усмехнулся юноша. – А когда, скажем, старшую жену свою Лию ты с отвращением отвергал – это тоже от чистоты сердечной? А когда мошенничал с ярками, по сути, ворюя овец у тестя своего, это тоже от наипрекраснейшей души? Нет, милый. Ты мой! Как и народ твой. Мой навек! И служить мне будешь исправно, как я велю.

– Не бывать по-твоему! – воскликнул Иаков и кинулся на обидчика. Он хотел вцепиться юноше в горло и задушить, избавиться от мерзкой зависимости, но руки сжали пустоту.

– Куда, воитель? Я не там, – прозвучал из-за спины насмешливый голос.

Иаков обернулся.

Юноша стоял, скрестив руки на груди. В улыбке его проглядывала откровенная издёвка. Иаков схватил с жертвенника длинный нож для принесения жертвы, больше похожий на саблю, и снова ринулся в атаку, но противник его ловким ударом ятагана выбил нож, который в неярком огне жертвенника сверкнул слабой искрой и улетел в темноту. Демон стоял, поигрывая ятаганом, и всё так же ядовито усмехался.

– Господи! – взмолился Иаков. – Во имя отец моих Авраама и Исаака, помоги мне. Господи! Ты видишь стремление духа лукавого отвратить меня от лица Твоего. Помогите мне, ибо Ты один – моя защита и пристанище. Услыши мя, Господи, в правде твоей и вонми молению моему!..

И, как ответ на мольбу, вдруг ярко вспыхнул огонь жертвенника. Язык пламени, вырвавшись широким алым языком, полоснул темноту, изогнулся в хищной стойке змеи и прыгнул в лицо юноше. Тот вскрикнул, отшатнулся, попытался закрыться рукой от взбесившегося пламени, но оно уже растаяло в чернильно-чёрном небе, ничем не напоминая о себе и оставив природу так же дремать и досматривать сладкие сны.

Однако была всё же короткая заминка, момент, когда злой дух ослеп от огненного поцелуя. Этого мгновения оказалось достаточно. Одним прыжком Иаков оказался за спиной юноши, сдернул с себя пояс и стянул его на горле противника, одновременно упершись коленом ему в позвоночник.

Тот захрипел, вцепился в душившую его петлю обеими руками, но на поясе Иакова были вытканы священные письмена – молитва Господня. Поэтому все попытки освободиться пропали втуне.

– Отпусти... – наконец прохрипел демон. – Ты победил.

Иаков чуть ослабил душившую противника петлю, не собираясь, однако, отпускать его до поры.

– Кто ты? – спросил он. – Как звать тебя?

– Что в имени тебе моём? – вопросом на вопрос ответил юноша. – Имя моё чудно и непривычно для слуха твоего. Отпусти меня. Я верно буду служить тебе и словом, и делом. И даже лучше, чем прежде.

– Знаю я твою службу! – проворчал Иаков.

– Сам человек слаб, – возразил юноша, – и без помощи извне, без гармонического сосуществования с внешним миром, обойтись не сможет. Взять, к примеру, твоё собственное существо. Твоя душа, не представляет ли из себя целую Вселенную? Она полна бурь и несогласий. И задача в том, чтобы осуществить в ней единство гармонии.

Только тогда Бог сможет проникнуть в сознание твоё, и только тогда ты сможешь разделить Его власть и создать из собственной воли жертвенник огня души своей. Но ты победил меня, и принимать службу мою – твой удел победителя. Имя твоё отныне будет Израиль, а место битвы нашей – Пенуэл.

Слушая речи эти, Иаков ещё чуть-чуть ослабил ремень на шее демона и тот не замедлил воспользоваться промашкой. Израиль почувствовал, как железные когти впились ему в бедро

и разорвали жилы. Взыв от боли, он выпустил из рук ремень и дух, тут же обернувшись змеёю, скользнул в темноту.

Израиль приложил к бедру шейный платок: рана по счастью оказалась не очень серьёзной, хотя порванные жилы грозили хромотой на всю оставшуюся жизнь.

– Пенуэл, – задумчиво повторил Израиль, – Пенуэл. Запомнят ли потомки это место и станут ли вспоминать, где искать помощь, когда надо будет побороть своего демона?

Сказка о любви

Она ждала.

Она ждала и знала, что рано или поздно за ней придут, её найдут. Или она отыщется. Как правильно?

Многих далёких и даже близких уже нашли, отыскивали в этом безумном мире. Как она это знала? Может, чувствовала. Может, слышала волну радости, экзальтации, счастья. А разве счастье, когда тебя найдут? Да, вероятно. То есть, иначе и быть не может. Зачем тогда столько ждать, зачем смотреть в ночное небо на звёзды, да и вообще: зачем тогда всё?

Кстати, о звёздах. Она очень любила ночами смотреть на них, удивляясь весёлому перемигиванию, вспышкам разноцветных лучиков, искорок еле заметного пламени, холодного сияния, которое, по правде сказать, вовсе не было холодным. Просто это особый огонь. Можно сказать, царский. Видеть его мог не каждый, но и он был ничто без многоцветной гаммы других огней.

Только прекраснее всех сияла в небе удивительная звезда, которая зажигалась по утрам низко над горизонтом. О, как же она умела сиять! Её лучи, сначала спокойные, даже меланхоличные, вдруг вспыхивали, вздыбливались обилием красок и дарили, дарили без устали радость света и сияния.

Когда её найдут... Ну, или она найдётся. Как правильно? Она тогда будет сиять для своего избранника такой же сумасшедшей гаммой сверкающих лучей, она подарит ему такую любовь, какой ещё не было в подлунном.

Так мечтала она, мечтала и ждала. Ждала, когда придёт её время.

И оно всё-таки пришло! Вернее, пришёл он. Отыскал её среди всех. Забрал с собой. Сначала он долго присматривался, видимо, боясь обидеть грубым прикосновением и навсегда испортить отношения. Но она ждала – не привыкать. Ведь это он! Она точно знала! И знала, что всё получится, что он подойдёт, возьмёт её...

Наконец, она дождалась и этого. Он приходил к ней, ласкал сплошными нежно-обволакивающими движениями, которые лишали воли и в то же время разжигали в ней огонь. Огонь неугасимый. Который с каждой секундой разгорался сильнее, ярче. Она не боялась сгореть в этом огне, потому что весь огонь без остатка будет принадлежать только ему.

– Мастер Симеон. А, мастер Симеон. Глядит-ко я сработал чево.

Мастер взял из рук подмастерья крупный адамант, вспыхивающий весёлыми, радужными и в то же время завораживающими искрами. Оценивающе повертел так и этак, крикнул.

– Да ты, гляжу, в работе-то и меня старика уж за пояс заткнул. Хорош камень. Ох, хорош! С любовью точён, любовью и светится. Вон звезда утренья – так же сверкат. Венерою величают. Она, бают, любви богиня. Так ты адамант-от назови дочкой ейной. В самый раз.

Сказка о похищении

...— Где же Андрей?

— Сидит в чулане. В дублёнке на голое тело.

— С чего это вдруг?

— Из чулана вид хороший на дорогу. А к нам должны приехать западные журналисты. Андрюша и решил: как появится машина — дубленку в сторону! Выбежит на задний двор и будет обсыпаться снегом. Журналисты увидят — русский медведь купается в снегу. Андрюша их заметит, смутится. Затем, прикрывая срам, убежит. А статьи в западных газетах будут начинаться так: «Гениального русского поэта мы застали купающимся в снегу...». Может, они даже сфотографируют его. Представляешь — бежит Андрюша с голым задом, а кругом российские снега.

Сергей Довлатов. «Чемодан».

Из радиопередачи:

— Сегодня мы, уважаемые радиослушатели, пригласили к нам на Радио X человека, имя которого известно всей планете. Это знаменитый парапсихолог, хиромант и астролог, бессменный директор НИИ уфологии профессор Ажажа. По нашему контрактному телефону вы можете спросить профессора, о чём захотите, и задать ему любые вопросы. А пока это сделаем мы. Скажите, господин Ажажа, как вы относитесь к инопланетянам?

— Положительно и даже очень, хотя не исключен некоторый отрицательный момент.

— Как вы считаете, встречи с инопланетными существами опасны?

— Ну что вы, они никогда и никому не приносили вреда, но, тем не менее, возможен некоторый летальный исход.

— К нам в студию прорвался первый радиослушатель. Это юное существо интересуется: почему инопланетяне не идут на широкие контакты с землянами?

— Видите ли, тому есть множество причин как положительных, так и отрицательных...

В этот раз Возмущенский так же безрезультатно провел день в чулане, до рези в глазах всматриваясь в пустынную дачную дорогу, иногда поёживаясь от щекотки порядком надоевшего, но ещё не изъеденного молью тулупа. Горько сплюнув и почесав валенком о валенок, Возмущенский хотел было бросить к чёртовой бабке это неблагодарное занятие, но вдруг его обострившийся болезненный слух уловил какое-то явно механическое жужжание, приближающееся со стороны города.

— Едут-таки козлы драные, — пробормотал он, — вспомнили! Ничего, я им выдам. Выдам такое! Опять заставляю говорить о себе всю Европу и Америку.

С этими словами, сбросив аховый тулупчик и латаные валенки, он выскочил на ещё не успевший свалиться декабрьский снег. Совсем было изготавясь исполнить роль «русского медведя», Возмущенский бросил косой взгляд на дорогу, но, к великому удивлению гения, она оставалась пуста, как и раньше, хотя тарахтение мотора слышалось совсем рядом.

— Вот наваждение: на-важдение, ждение, дение, день, тень Е., — подумал наш герой, деля слово по застарелой поэтической привычке на всевозможные благозвучные аллитерации.

Жужжание между тем возникло снова где-то между зенитом и надиром, поэтому Возмущенский активно посмотрел вверх, да так и остался стоять с раскрытым ртом, даже забыв прикрыть срам.

Прямо над его головой, метрах эдак в десяти-пятнадцати, висела летающая тарелка.

— Вот тебе и нихренастик, — только и сумел промолвить наш герой.

А тарелка никуда не собиралась улетать и, видимо, с неё делали снимки «русского медведя, купающегося в снегу». Но вдруг в брюхе тарелки обозначилось отверстие и Возмущенского стало затягивать откуда ни возьмись взявшееся гравито-магнитно-пю-мезонное поле.

– Зинка! – не своим голосом заорал он. – Зинка!

Его жена в застиранном китайском пеньюаре и турецких тапочках на босу ногу выскочила на крыльцо.

– Господи! Да что же это? Да куда же?! – завопила она и попыталась ухватить мужа за пятку, но тот был уже вне пределов досягаемости и вопил ничуть не меньше своей супружницы, только на совсем другую тему:

– Молчи, дура! В прихожей «Поляроид» лежит. Быстро фотографируй! Но Зина не послушалась, а всё так же, нелепо махая руками, ахала и охала на крыльце.

– Фотографируй, дура! – ещё раз возмутился Возмущенский, поднимаясь, как в песне, всё выше и выше.

Поэт не любил свою жену хотя бы за то, что она в свое время запретила ему эмигрировать и, в конце концов, загнала известного модного поэта под башмак. Возмущенский никак не хотел признаться себе в том, что эмигрировать в юные годы никогда и никуда не собирался, так как возмущаться существующим строем ему было разрешено и здесь, что называется «не слезая с печи», получая к тому же за это ощутимую денежную независимость и удовлетворение от сделанного дела.

Обалденная мечта любого поэта! Но была в этой бочке мёда своя ложечка дёгтя – наглый конкурент Гений Евтушенский. Возмущенский, сколько помнил себя, всегда завидовал удачам и неудачам конкурента, поскольку тот даже из неудач извлекал для себя выгоду.

Размышляя таким образом, плюнув на кудахтавшую внизу жену, он с любопытством приглядывался к иноземному летательному снаряду, пассажиром которого ему предстояло оказаться в ближайшем будущем.

Долго ли коротко ли, а люк за ним все-таки закрылся и снаряд рванул со скоростью снаряда так, что у нашего героя Зинины пирожки на волю запросились. Но ничего, пронесло вроде. А когда в открытый космос вырулили – совсем полегчало. В кабине у него экран во всю стену, очень на окошко похож, только занавесочек не хватает. Смотрит Возмущенский, а Земля уже размером с земляной орех.

– Куда ж это меня черти полосатые потащили? И сами что-то не показываются. Ну, да ничего, потерпим.

Между тем тарелка эта летающая прямо к созвездию Льва устремилась. Да снова ка-ак рванет через все супер световые барьеры и нуль-пространство так, что весь полет в несколько минут обошелся.

Глядит Возмущенский – его скоростное ландо к какой-то задрипанной планетке подруливает, навроде Луны нашей.

– Тоже мне, инопланетяне! – возмутился поэт. – Не могли планетой посолиднее обзавестись, – а сам ждет, что же дальше будет.

Дальше опустила его тарелка осторожно на поверхность. Люк открылся, и путешественник легко так выпрыгнул из неё. Стоит, платочек шейный поправляет, который один только из всей одежды и был у него.

Глядь, а к нему уже аборигены инопланетные спешат. Засмутился Возмущенский, за тарелку прячется: как-никак первый контакт с внеземной, так сказать, а он не при смокинге. Хорошо хоть платочек есть: поэт его никогда не снимал, даже в бане, но тут снял-таки и на манер бикини пристроил.

Подбегают аборигены, рады-радешеньки, что такую птицу заполучили и ну наперебой интервью брать. А Возмущенский, достоинство своё и честь планеты блюдя, отвечал поначалу

осторожненько, с оглядкой. Но потом разошелся всё же и давай отборной словесной грязью поливать кого попало, особенно конкурента своего:

– Скажите, а ваш собрат по перу, поэт Гений Евтушенский помогал вам добиться славы и почета?

– Нет, никогда! – возмутился Возмущенский. – Евтушенский здесь совершенно ни при чём. Я был, есть и остаюсь главным поэтом страны и самым непревзойдённым скульптором планеты. Ведь на призвание и значимость человека всегда указывает его фамилия и потому, если уж возмущаться, то возмущаться, как положено истинно русскому человеку. Конечно, в разумных пределах, но рамки мне никто никогда не ставил, не то, что этой бездари Евтушенскому. Недаром он и прославился только тем, что писал поэмы о Чернобыльской АС да о космодроме Байконур, где однажды был Сам Первый Президент! Я – другое дело. Мне ничего не стоит сказать прямое слово даже о душе, глядя ей прямо в глаза. Вот послушайте:

Я любовно вступаю в санузел,
с вождельем вхожу, не спеша.
И крепки, и прочны эти узы:
он – моя молодая душа!
Я большой карандаш очиняю
и, присев на родной унитаз,
размышляю, пишу, сочиняю,
постепенно впадая в экстаз.
Можно краски продАть за бесценок,
можно прОдать свой домик и кров
и снимать купюрованность пенек,
на сберкнижке отложив улов.
Пусть завистник залиvisto лает —
мне не страшен критический нож,
если то, что отсель вытекает,
с удовольствием пьёт молодежь!

– Но ведь это же не о душе, а...

– Напрасно вы так! – возразил Возмущенский. – Ведь человеку свойственно пачкать душу в течение дня. Где же ему отмываться? А отмываться надо, потому что нет опаснее грязи грязной и грязи разной, прилипающей. А вокруг нужен друг и подруг кутерьма. Эх-ма, Дума, ума котом!

Поэт тут же отыскал под ногами уголёк и принялся наглядно выписывать своё словотворчество на боку летающей тарелки:

п			
г	р	я	з
и	и	г	р
л	я	з	н
и	о	й	
п			
а			
ю			
щ			
е			
й			

– И что же, это нравится землянам? – удивились инопланетяне.

– А то?! – кивнул поэт. – Без меня и моей умы котомы они давно бы уже свихнулись.

– Вы хотите сказать, с ума посходили бы? – принялись уточнять инопланетяне.

– Конечно, – кивнул Возмущенский. – Ведь я же не серость как, скажем, тот же Евтушенский, который только и знает, что вопит о своей преданности Вождю и родине, хотя он, а не я самый настоящий Ирод, Христопродавец, да вообще тёмная личность..

– За что же вы его так невзлюбили? – удивились инопланетяне.

– За пиджак в яблоках и за многоженство, – с уверенностью произнёс Возмущенский.

– У вас это не разрешено?

– Нет, почему же. Но он так нагло женился на... Впрочем, я не сплетник, – оборвал себя поэт, – и, если уж говорить, то не о нём, а обо мне и моём творчестве.

– Что же вы сейчас такого бесценного творите? – любопытничают аборигены.

Возмущенский давно уже ничего такого не натворил, но давешняя, привитая ему привычка к возмущению, взяла свое:

– Я творю сейчас очень объёмную и разоблачительную вещь «Пельше Пельцын и примкнувшие к нему домократы». В этой поэме весь мир увидит истинное лицо так называемой дермократии.

– Вы против существующего правительства и проводимой им политики? – стали коварно интересоваться инопланетяне.

– Нет, нет, – поспешно возразил Возмущенский, – но терпеть прихлебателей и – в прошлом – идеологов коммунистической морали не намерен.

Возьмите хоть Гену Бурбулиса или, скажем, Толика Чубайса. Они завтра же перекарасятся из полосатых в ещё каких-нибудь, буде им от этого польза.

– А вы самый верный патриот?

– Нет. Я, как всегда, нет! – кивнул Возмущенский. – То есть, я хотел сказать «Да»! Конечно да! Вернее не бывает!

– А Евтушенский тоже патриот или примкнувший к отщепенцам?

– Дался он вам! – возмутился Возмущенский. – Недаром его чучело на Масленицу сожгли Бондарев со товарищи прямо во дворе Дома Литераторов.

– Как же это произошло? – удивились инопланетяне. – Мы ничего не знаем.

Тут Возмущенский сел на своего любимого конька и долго разглагольствовал на тему демократии в писательских кругах Земли, пересыпая речь цедеэловскими сплетнями и анекдотами. Выдохшись чуток, наш герой напомнил хозяевам о том, что «не хлебом единым», то есть наоборот. А когда спохватившиеся и чуть было не сгоревшие со стыда аборигены, накопмили поэта всякой всячиной и разными разностями, Возмущенский выразил желание погулять по планете: на других посмотреть, себя показать.

И всё бы, может быть, тихо-смирно прошло, да увидел наш герой, что нету у этих иночеловеков в городе ни одного памятника.

– Я же вам, оживился Возмущенский, – такой памятник отгрохаю, век помнить будете! Я уже его вижу! Это будет початок кукурузы величиной с тридцатизэтажный дом! И посвящен он будет воссоединению наших цивилизаций!

Скоро сказка сказывается да не скоро дело делается. Долго ли, коротко ли, сотворил поэт памятник – ни в сказке сказать, ни пером описать. Увидит его абориген – перекрестится, увидит другая тварь – задрал хвост, убегает. А поэт-то наш не теряется.

– Я, – кричит, – вам всю планету памятниками обеспечу. Даешь культуру в массы!

Думали-гадали инопланетяне, что же делать, как спастись от беды неминуемой и утихомирить заземлённого поэта-скульптора? Но не придумали ничего лучше, чем отправить Возмущенского восвояси и ни с кем из землян больше не связываться. С тех пор ни одного контакта с внеземными аборигенами больше не наблюдалось. Вот так-то.

Сказка о семени

Весёлые солнечные зайчики играли в узорной листве деревьев, на шелковистой траве и на атласной нежной коже молодой женщины, перепрыгивая с ног на округлый живот, высокую грудь. А один, расшалившись, прыгнул прямо на лицо и, залюбовавшись женской красотой, поцеловал девушку прямо в полуоткрытые слегка розоватые губы.

Она вздрогнула, открыла глаза и, прикрывая ладошкой рот, сладко зевнула.

Увидев, что солнце уже давно проснулось и довольно высоко поднялось в небе, она сорвала тонкую с маленькой кисточкой на конце травинку и принялась щекотать ему уши, нос, губы. Он недовольно поморщился, фыркнул, но тоже проснулся, посмотрел на окружающий их сад, солнце и легко поднялся с земли, разминая тело, поигрывая мускулами.

– Смотри, – она показала ему на нижние ветви соседнего дерева. – Смотри, этой птицы вчера здесь не было. Правда она красиво поёт?

– Подумаешь, новая птица, – пожал он плечами. – Хотя поёт действительно красиво. Пойду-ка я соберу каких-нибудь плодов для трапезы, а ты тем временем можешь искупаться.

– Слушаю и повинуюсь, мой повелитель, – улыбнулась она.

Смотря ему вслед, она расправила свои длинные, похожие на миллионы волнистых солнечных лучиков, волосы и побежала к озеру, видневшемуся неподалёку, за деревьями, где на изумительно прозрачной водной глади плавали две большие птицы с грациозно выгнутыми шеями и кипенно-белым опереньем.

Птицы встретили девушку приветственным гортанным криком. Она ещё не знала, как зовут этих красавиц, но уже успела подружиться с ними. А птицы в свою очередь доверялись новой знакомой, позволяли гладить себя и в знак дружбы нежно пощипывали её своими большими чёрными клювами за маленькое изящное ушко.

– Милые мои, вы узнали меня?! Узнали?! – по-детски радовалась она. – Я очень люблю вас за то, что вы есть, за то, что вы понимаете меня!

Вдоволь наплававшись и наигравшись с птицам, девушка вышла на берег.

Решив ещё раз взглянуть на новую птицу, которая судя по весёлому щебету пока что никуда не улетела, она пошла было к тому дереву, но вдруг лёгкий тревожный шёпот кустов отвлёк её внимание. Обернувшись на звук, девушка увидела статного черноволосого мужчину, выходявшего из кустарника.

Привлекательные утончённые черты его лица можно было бы назвать одухотворёнными, если бы сквозь эту красоту не проглядывала какая-то непонятная жёсткость.

Незнакомец остановился, внимательно разглядывая точёное атласное тело девушки, усыпанное алмазами ещё не успевших высохнуть водяных брызг, и приветливо улыбнулся. Девушка с интересом и так же молча оглядывала вынырнувшего из кустов мужчину, стараясь понять: откуда? Откуда он появился?

– Кто ты? – нарушила она молчание. – Я тебя здесь раньше никогда не видела.

– Я? – немного помедлил он. – Я властелин! Повелитель видимого и невидимого, хранитель многих тайн и откровений, вершитель судеб всего живого в этом мире. Одну из своих удивительных тайн я тебе сейчас открою.

– Какую? – поинтересовалась девушка.

– Ты хочешь стать счастливой?

– Счастливой?! Не знаю... Наверное..., – девушка растерянно взглянула на незнакомца, предлагающего что-то неизвестное, неизведанное. – Взор твой тёмнен, но улыбка ласкова и мне хочется подойти к тебе.

– Так иди же! – он раскрыл многообещающие объятия и она, дрожа всем телом, осторожно приблизилась и прижалась к его груди.

– Мне почему-то хорошо с тобой, – шепнула она на ухо незнакомцу. – Я чувствую, что ты сможешь сделать меня счастливой. Только не отпускай меня, не отпускай...

Голова у девушки закружилась, и она опустилась на траву. Очнувшись вскоре, девушка ощутила, что по всему телу у неё разливается божественная истома, ни с чем не сравнимое чувство блаженства и лёгкая, едва уловимая усталость.

Красивый незнакомец стоял рядом, неподалеку, и, увидев, что девушка пришла в себя, ласково улыбнулся:

– Я вижу, ты действительно стала счастливой.

– Милый, моё счастье – ты...

– Слушай, скоро у нас будет сын. И, на правах отца, я желаю дать ему имя, – перебил её мужчина.

– Отец... сын... Что это? – удивилась она.

– Узнаешь в своё время, – усмехнулся красавец. – А сына, – он на секунду задумался, – сына назовёшь Каин.

– А ты? Как тебя зовут? Ты не сказал...

– Меня зовут, – он внимательно посмотрел на неё. – Меня зовут Иблис!

Девушка даже не успела моргнуть, а вокруг уже никого не было. И только ветерком лёгким чуть слышно прокатилось по кустам:

– Иблис...

Сказка о божием промысле

– Что вы можете знать о Боге? – вопрошал приятеля бородатый крепкий мужик в полукафтани и выглядывающей из-под него красной косоворотке с отстёгнутым воротом. Мужик сидел, утрамбовав свою могутную фигуру между пластиковым кухонным столом и пузатым холодильником. Ноги его в шикарных хромовых прохорях с раструбами были закинута одна на другую и в подтверждение своей убежденной речи он качал начищенным носком сапога. – Ничего вы знать не можете и не должны знать о Промысле Божием. Притчу о блаженном Иове помните?

– Что с того? – скривил капризные губы его собеседник и, сдвинув на затылок канотье, посмотрел на закопчённые иконы в углу маленькой кухоньки, которая была явным образом знаменитых московских хрущоб. Затем элегантно мужчина перевел взгляд на новенький кухонный комбайн – последнее слово немецкой техники – поставил в угол тросточку с серебряным набалдашником, сдул невидимую пылинку с рукава своего модного светлого лапсердака и как можно беспечнее произнёс:

– Давай-ка, Прокоп Силыч, ещё по рюмочке твоей необыкновенной водовки.

– Как же, как же, Филимон Прометеевич, – засуетился мужик, – это всегда полезно. В водовке русскому мужику, кроме пользы, никакого резону искать не надобно.

– И где ты только берёшь её, а, Прокоп Силыч?

– Кх-м, – удовлетворённо крякнул мужик, – эт-ка напиток будущего! – он любовно похлопал по запотевшему боку кристалловской «Завалинки» и, подмигнув своему собеседнику, принялся разливать водку в витиеватые штофы богемского хрусталя.

– За что пьём?

– Да за твой Божий Промысел, – опять съехидничал Филимон Прометеевич, – ведь по твоему выходит – моя дочь умерла именно по Божьей воле. Чем же ребёнок так Богу-то не угодил? Ведь ежели Господь ведаёт, что творит, то безвинные не страдали бы. А тут, куда ни глянь – злоба да мрак, зависть да корысть. Скажешь, Господь попускает? Да не попускает Он, а насаждает.

– Это как сказать, Филимон Прометеевич, – парировал мужик. – Может Господь смертью дитяти батюшку его наказывает – вас то-биш. А, может, ещё что – Бог весть.

– Вот именно! – подхватил тот. – Ну, за здоровье Господа нашего.

Франт осушил штоф и, закусывая заливной осетриной, посмотрел на собутыльника.

Мужик, как бы прислушиваясь к внутреннему голосу, застыл на несколько мгновений, затем выдохнул, опрокинул штоф, крякнул по обыкновению и, подцепив ложкой мелко нарезанного лангуста под бамбуковым соусом из китайского фарфорового блюда, произнес:

– Зря вы так, Филимон Прометеевич, ей-ей зря!

– Ты хочешь сказать, зря Господь злодеям благо посылает, а праведникам страдание? Согласен. Потому как злобе – злобово, а добру...

Долго бы, может быть, продолжался спор этот застольный, потому как у Прокопа Силыча и другая бутылочка припасена была, и закусь неплохая, но вдруг тёмные образа в углу крохотной московской кухоньки вспыхнули радужным переливом и собутыльники замерли, ошарашенные зрелищем.

Филимон Прометеевич так и не успел донести до рта серебряную вилку с насаженным на неё каргопольским солёным рыжиком, а Прокоп Силыч безуспешно пытался подняться из-за стола и сквозь побледневшие губы смог выдавить только «Господи, помилуй!»

Меж тем свечение становилось весомей и ощутимее, будто солнечный вихрь ворвался в это уютное жилище, развеяв темноту, осколки которой спешно расползались по углам.

– Истинно говорю вам, малoverы! – прозвучал вдруг в кухоньке голос, показавшийся собутыльникам громом небесным. – Истинно говорю вам: покайтесь пока не поздно. Да ступайте с рассветом к дубу, что стоит в трёх верстах от городской заставы, да залезайте в дупло его, да сидите тихо весь день и слушайте...

Тут голос утих, свечение пропало и только двое затрапезников никак не могли прийти в себя от виденного и слышанного.

Рука Филимона Прометеевича донесла, наконец, долгожданный рыжик до рта, но тот никак не хотел закрываться, поэтому на помощь пришла другая рука, придавившая челюсть снизу. Только после этого хозяин челюсти обрел возможность пережёвывания и уничтожения пищи.

Прокоп Силыч же в это время удобно уперся лбом в холодильник, дабы пребывал коленопреклоненным и усердно нашёптывал все известные ему молитвы, иногда путая и заменяя слова, но всё же усердно бодая холодильник, поскольку именно над ним висели старые чёрные, давно не чищенные иконы.

– Ить идтить надобно, – икнул он, глядя на товарища снизу вверх. Потом, поднявшись с полу и косясь на иконы, каким-то чужим скрипучим голосом добавил:

– С Богом не шутят, понимаешь!

– Так ведь нет Его, – в унисон икнул Филимон Прометеевич.

– Кого? – не понял Прокоп Силыч.

– Бога.

– Бога!? А это хто по-вашему? – мужик указал на иконы и глаза у Прокопа Силыча стали наливаться кровью.

– Это? – франт покрутил в воздухе рукой. – Ну, это галлюцинация такая. Массовая. Все марксисты-индивидуалисты о том говорят. Трактаты пишут. Революции делают.

– Да иди ты со своими марксистами! – рывкнул Прокоп Силыч. – Нашёл авторитетов, понимаешь.

– Да не сердчайте вы так, нервные клетки не восстанавливаются, – попытался успокоить его франт. – Кто знает, может и есть Он. Давайте-ка лучше ещё по маленькой за Господа нашего.

– Нет! – Прокоп Силыч грохнул по столу увесистым кулачищем. – Нет! Вы как хотите, а я пойду куда сказано и сделаю, как велено.

– Ну, что вы, что вы, милейший, – примирительно заворковал Филимон Прометеевич, – разве я против. Только за. Но на дорожку по маленькой не помешает.

– Действительно, не помешает, – согласился тот.

Примирение и взаимопонимание было полностью достигнуто, так что после взаимных признаний в искренней дружбе и любви друзья отправились к городской заставе, в трёх верстах от которой должен ждать их дуб с дубовым дуплом и будущими приключениями.

И действительно вскоре малоезжий тракт привёл их на перекрёсток двух дорог, где рос столетний красавец. Только вот дупло обнаружилось не сразу. Однако нашли и его. Высоко в густой кроне зияло чёрное отверстие, приглашая войти и обогреться.

Помогая друг другу, друзья забрались всё-таки в дупло, которое внутри оказалось очень даже вместительным и уютным. Устроившись поудобнее, они время от времени выглядывали наружу, словно кукушка из часов, но «не пылит дорога, не дрожат листы», поэтому оба вскоре задремали, то ли после принятого на грудь, то ли после пережитого стресса.

И вдруг чёткий топот конских копыт разбудил обоих. Во сне это было, наяву ли, но оба увидели всадника в богатом малиновом халате, подбитого чёрным соболем, сафьяновых сапогах и белой чалмой на голове. На боку у всадника висела деревянная кобура маузера, украшенная изумрудами и рубинами.

– Вот это да! – выдавил Прокоп Силыч.

– Откуда это чучело здесь появилось? – Филимон Прометеевич по-старушечьи поджал губы. – Этого просто не может быть в нашем материалистическом мире!

– Может, может, – прервал его ворчание Прокоп Силыч, – что невозможно человеку – возможно Богу.

А незнакомец тем временем слез с коня, расстелил достархан и принялся закусывать.

– Во даёт! – не унимался Филимон Прометеевич. – У него же сейчас по расписанию должен быть утренний намаз, а этот нехристь нашу русскую икру на хлеб намазывает и французским «Бордо» запивает.

Откушав, незнакомец с трудом взобрался на коня по причине живота, и по этой же причине из-за пояса у него выпал объёмистый кожаный кошель, который, глухо звякнув содержимым, упал на траву. Но толстяк не заметил потери и поскакал куда-то по своим делам.

– Может, слезем, посмотрим, что в кошельке, – подал голос Филимон Прометеевич, но, заметив тяжёлый взгляд напарника, тут же стушевался. – Да нет, я ведь так просто. Интересно же что у него в кошельке.

А в это время к дереву подошёл ещё один странник. Судя по тяжкой походке и горьким вздохам, жизнь побила этого бедолагу, потёрла мордой об асфальт, да так и оставила ковылять по миру. Одет он был в старую полотняную рубаху, которая от времени уже прохудилась во многих местах, а на ногах вместо сапог были обычные лыковые лапти.

Мужик остановился возле дерева, взглянул на него, видимо тоже решил отдохнуть в тени развесистого красавца. Потом положил свою суковатую палку на траву и сам опустился рядом. Порывшись в выдавшем виды «сидоре», путник вытащил сухарь и принялся грызть его. Но вдруг он замер. Неподалеку на траве мирно дремал обронённый кем-то кошель. Глаза видели этот кошель: вот он, толстый, кожаный, упитанный, завязанный сверху таким же кожаным шнурком, а разум отказывался верить.

И всё же он решился. Протянул руку, но, едва коснувшись кошель, отдернул её, будто кожа была раскаленным металлом. Путник взял палку и осторожно начал подтаскивать кошель к себе. Тот послушно, как толстый щенок, подкатился к ногам хозяина. Взяв, наконец, кошель в руки, бедняк осторожно распустил шнурок и в следующее мгновение крик изумления взлетел к небесам, вспугнув по пути птицу, дремавшую на ветке дерева.

Тут же он принялся истово молиться, вознося благодарение Богу за такую милость.

– Беги, дурак, скорее, – буркнул Прокоп Силыч, – а то толстяк может вернуться.

Человек испуганно оглянулся. То ли голос услышал, хотя Прокоп Силыч ворчал себе под нос, то ли ещё что, но в следующую секунду рыси бедняка позавидовали бы лучшие ахалтекинские скакуны.

Вскоре снова под дубом зазвучали копыта. К дереву подъехал статный джигит в белой черкеске с серебряными газырями. Он легко спрыгнул с коня, поправил кинжал, рукоять которого сверкнула крупным алмазом. Затем отцепил от седла дорожную сумку с яркой наклейкой, на которой что-то было написано по-английски. Из переметной сумки достал бутыль «Хванчкары», заплетённую в ивовые прутья, овечий сыр, голландский сыр, сушеный сыр, плавленый сыр, горшочек с лобио и принялся за еду.

В самый разгар обеда к дереву подскочил давешний купец, потерявший кошель. Он издали ещё что-то кричал и размахивал руками. Подскакав к дереву, толстяк мешком свалился с коня и подбежал к джигиту.

– Отдавай мой кошель, вор!

Парень даже поперхнулся:

– Какой кошель?

– Отдавай, неверный! Отдавай, собака!

Джигит потемнел лицом, и рука его потянулась к кинжалу, но мусульманин опередил его. Из своей кобуры, разукрашенной драгоценными камнями, он выхватил маузер и всю

обойму выпустил в грудь джигиту. Тот, не успев даже вытащить кинжал, рухнул на траву. Бай подскочил к нему и начал обшаривать. Но сколько он ни ползал по трупу, сколько ни искал в переметной суме и седле, – толку не было. Не было и кошель.

– О, Аллах! – причитал бай. – О, Аллах!

Так ни с чем ему и пришлось уехать. Но совершенно ни с чем богач уехать не мог, поэтому прихватил одежду убитого, а также его кинжал с алмазом и коня.

Только затихли вдали стенания богача, как снова послышался дробный перестук копыт. На этот раз к дереву подъехал всадник на белоснежном коне. Под красным плащом на нём был виден золотой доспех греческого воина, а в руках длинное копье.

– Это ещё кто? – прошептал Филимон Прометеевич.

– Кажется, я знаю, – так же тихо ответил Прокоп Силыч.

Но тут всадник обратил взор к дуплу и громко воззвал:

– Спускайтесь сюда, маловеры!

Друзья поняли, что всадник по их души прибыл, и неуклюже принялись выбираться из дупла.

Потом, стоя уже на земле, они всё время отворачивались от всадника, потому как свет, исходящий, казалось бы, из всего существа его, слепил, путал мысли и волю.

– Что теперь скажете о Промысле Божиим? – спросил всадник. – Что Господь помогает злодею и предаёт смерти невинного?

Друзья стояли, как на Страшном Суде, не зная, что ответить, да и нужно ли?

Тогда всадник продолжил.

– Бедняк, который нашёл кошель, не всегда был бедняком, хитрый и злой бай обманул его, отсудил дом, имущество, а семья бедняка батрачит на богача. Тех денег, что были в кошелье, бедняку хватит на откуп и возвращение дома. А убитый джигит когда-то из ревности зарезал любимую девушку. С тех пор он не находил себе места и молил Бога о смерти, насильственной смерти. Своими молитвами и добрыми делами он заслужил прощение. Сейчас джигит уже возле трона Божия, так что не волнуйтесь за него.

Ну а богач... Богач тоже свое получит, но это будет совсем другая история. А вы идите и помните: не вам судить о Промысле Божиим. Не вам судачить за рюмкой чая о Всевышнем. Лучше делайте своё дело, как надо и с добрыми мыслями. Ступайте.

Сказка о хаосе... или гармонии?

– Мужик! А, мужик! Мужик! Ну, ты чё не отвечаешь, ору тебе, ору. Как не мужик? А чё, мне кричать «господин-хороший» что ли? Как не мужчина? Какая женщина? Баба говоришь? Ты?! Да ладно тебе. Чё ты гонишь? Бабы так не разговаривают. Таким басом. Чё? Ах, это от курева. Тогда точно баба, то есть женщина. Потому что мужики не курят. Кто? Мужики курят? Так это не многие. Что делать, в семье не без уроды! А так – ни, ни. Значит так, ты мне лапшу на уши не вешай. Какая ты баба, если в штанах? Ты мужика хоть раз в юбке видел...а?

Так что ж шотландцы, понимаешь. В семье не без уроды. Удобно? А чё ж бабам от Рождества Христова никогда не удобно было, а сейчас удобно? Ну и что ж все ходят, а вона та красавица пошла, мужик что ли? Гляди, ножки какие! Гляди, одной пишет, другой зачёркивает. Класс тёлочка! А ты, даже если бы бабой был, всё равно так ходить не научился бы. Большинство в штанах ходит? Очень много? А сколько сейчас этими, как их, трансвеститами стали, а? Тоже много, если не все? Недаром среди них теперь права человеческие за ихние меньшинства, хотя какие они меньшинства?

Вон даже парень один в рекламе по телевизору поёт, что «бабам с бабами нельзя и с мужиками мужикам: СПИД где-то тут, СПИД где-то там, СПИД где-то рядом». А? Что это? Ах, презерватив. Со вкусом апельсина? Ну, ты точно баба. Потому как мужики редко с собой резину таскают, а о вкусах никто не знает – это точно.

Знают? Так это педики. В семье, так сказать, не без уроды. Пива тебе купить? Так ты чё, в натуре, мужик чё ли? Баба вместо пива, скорее, «Джин-тонику» налакается. А мужицкое пойло – это, конечно, пиво. Причём «Очаковское». Потому что каждый мужик знает, что только в этом пойле на Руси нет никакой химии, а только солод. Химия? А зачем тебе губная помада? Это уж точно непроходимая химия.

Так ты чё, баба или только притворяешься? Как притворяешься? Запросто: надоело тебе быть бабой – бац, операцию сделали, и мужик. Потом мужиком наскучило быть – бац, операцию, и снова баба. Трансвестит то есть. Это, который в общественном транспорте свистит. Ты кто? Ты Хабибуллин – точно. А вот скажи, как ты к выборам 4-го марта относишься, когда Путин в наглядку власть захватил? Терпеть не можешь политику? Ну, ты баба, сто двадцать пять процентов! Это уже точно! Откуда узнал? Баба и политика – вещи несовместимые. Кто? Хокамада? Ну, ты чё, не соображаешь? В семье не без уроды, понимаешь.

Сказка про царя Артоса

– Из Гипербореи ко двору Артоса как-то прибыл сам Аполлон, который давно прославился игрой на лютне и сумел обрадовать нашего царя своим искусством. Аполлон оставался недолго в Аркаиме, потому что отсюда хотел отправиться в Месопотамию, на Крит и в дикие, ещё не совсем обжитые края Аттики, где когда-то поселились выходцы из Аркаима.

Артос был благодарен Аполлону за музыку и подарил гостю понимание красоты цветов для того, чтобы выходец из Гипербореи смог передать Аттике знание красоты. И всё было бы хорошо, если б из той же самой Месопотамии не нагрянули в гости к Артосу шумеры.

В Аркаиме никогда не любили гостей с воинственным агрессивным настроением, а прибывшие шумеры были именно такими. Решив с порога поразить царя Десяти Городов своей исключительностью, гости выставили вперёд своего музыканта, козлоногого Пана. Но тот, при всём виртуозном владении лютней и свирелью, не смог превзойти искусством Аполлона.

Артос высказался об этом честно и бесхитростно, но гости, к сожалению, обиделись. Они прибыли в Аркаим не для проигрыша, а для победы над колыбелью человечества. Шумерские воины никогда не слышали настоящей музыки и не представляли, что на земле найдётся исполнитель лучше, чем Пан. Желчь обиды их захватила настолько, что они отказались посетить удивительный сад царства Десяти Городов и с первыми лучами солнца покинули Аркаим.

Царь Артос проснулся от звука походных рожков, прозвучавших на пустынных улицах города в этот предутренний час. Гости демонстративно покидали Аркаим, даже не попрощавшись с владыкой этого удивительного царства.

– Что ж, вольным – воля, а обиженным – обида, – прошептал царь и почесал себя за ухом, потому что голова безумно чесалась.

В следующее мгновение царскую опочивальню пронзил крик ужаса, который разносился далеко и долго по коридорам цитадели. Слуги, сбежавшиеся на царский крик, толпились возле дверей, не решаясь войти. Лишь личный брадобрей царя растолкал плечом невыспавшихся слуг и пробрался к дверям в царскую опочивальню.

– Ну-ну! Хватит галдеть, как стадо баранов! – цыкнул он на перепуганных слуг. – Я сам войду к нашему владыке и узнаю, что случилось?! Может быть, царю Артосу всего лишь дурной сон привиделся, кто знает?!

Царский цирюльник и брадобрей Нил считался в Аркаиме чуть ли не самым близким человеком владыке Сибирского царства Десяти Городов, поэтому гомон сразу же утих. Все знали, что цирюльник сможет помочь батюшке-царю и словом, и делом. Брадобрей вдохнул и выдохнул воздух, словно перед прыжком в прорубь, поцеловал на царской двери изображение пятикрылой птицы Сирина, ставшей государственной эмблемой царства, и исчез за дверью.

В царской опочивальне было довольно темно, поскольку оконные жалюзи ещё оставались закрыты, но тонкие лучики утреннего солнца радостно проникали сквозь многочисленные щёлки, разгоняя печальный ночной мрак. В покоях было довольно тихо, будто владыка царства спрятался за балдахином, свешивающимся с потолка над кроватью, и затаил дыхание, словно играл с цирюльником Нилом в прятки.

– Ах, ваше царское величество! – позвал брадобрей. – Вы живы?

Из-за шёлковых штор балдахина не доносилось ни звука, поэтому цирюльник Нил набрался храбрости, отваги, смелости и решил взглянуть на царя. Может быть, тот действительно нуждается в какой-либо помощи, и все церемониальные уставы были излишни.

Нил осторожно подошёл к царской кровати, прислушался и, не услышав ни звука, отёрнул штору. На обширной кровати, застеленной шёлковыми простынями, валялось несколько подушек, одеяло и ещё несколько простынь тонкого полотна, но царя Артоса нигде не было.

Цирюльник встревоженным движением руки полностью распахнул балдахин, только владыка от этого не появился ниоткуда и не засмеялся в лицо цирюльнику, радуясь своей проделке.

– Нил!.. – вдруг прозвучал голос царя откуда-то из глубин опочивальни. – Нил!..

Голос раздавался из самого тёмного угла царских палат, где в углу стояла оттоманка. Цирюльник сначала подумал, что на узком диванчике раскидано постельное барахло, однако, на сей раз увидел зарывшегося в эти шёлковые покрывала исчезнувшего царя Артоса.

Неизвестно почему царь сбежал из постели на оттоманку, замотав, к тому же, голову полотенцем, но то, что владыка живой, принесло волну облегчения цирюльнику. Может быть, царю действительно приснился ночью какой-то ужасный сон, вот он и спрятался от гонящихся за ним призраков.

– Нил! – снова подал голос владыка. – Нил, подь сюда.

Цирюльник послушно пошёл на зов. Похоже, предстоит разбираться с привидевшимся царю видением, ну да это не привыкать! Разбор снов и толкование было для Нила обычным делом. Потому-то он и считался самым близким советником владыки царства Десяти Городов.

– Сейчас разберёмся, ваше царское величество! – бодро и уверенно провозгласил Нил. – Нет такого сна, с которым бы мы не разобрались!

– Это не сон, Нил, – прозвучал дрожащий голос царя из-под намотанного на голову полотенца. – Наверно, шумерские чёрные магибы¹ потрудились.

– Да все они недавно отбыли назад, в свою Месопотамию, – отозвался Нил. – Зачем только приезжали, непонятно? Ведь вчера прибыли, а сегодня уехали, даже не попрощавшись.

– Я знаю, Нил, – снова подал голос царь, но полотенца с головы так и не снял. – Я проснулся от звуков их походных дудок. Ох! Лучше бы мне не просыпаться!

– Что?! Что случилось, владыка?!

– Иди сюда, Нил, сними с моей головы полотенце, – замогильным голосом позвал Артос.

Цирюльник послушно подошёл к оттоманке, осторожно снял с головы царя полотенце и... и невольно расхохотался, то есть заржал настоящим конским голосом. Владыка Аркаима лежал на животе, обхватив голову руками, а из-под ладоней и взлохмаченных локонов выбивались наружу настоящие ослиные уши с прожилками вен, чахлой растительностью и невероятным количеством вшей, поселившимся в голове. От этого царь временами начинал остервенело чесаться.

– Помоги мне, Нил, – жалобно попросил царь. – И прогони слуг, чтобы не подслушивали под дверью.

Так Нил и сделал. Разогнав толпящихся под дверями слуг, он снова вернулся к царю Артосу, ощупал новые царёвы уши и даже хмыкнул:

– Знаешь, владыка, если бы сам не увидел, никогда не поверил бы! Такого просто не может быть!

– И это говоришь ты? Тьфу, на тебя! – выругался Артос. – Ты, выходец из Гипербореи, владеющий сызмальства семизаветной магией, говоришь такое!

– Нет, нет! – стал отнекиваться Нил. – Ты прав, я всё это знаю. Несомненно, что месопотамские колдуны Демиургов попросили, и они нам такую свинью подкинули! Ой, беда!

– Ой, беда неминуемая! – царь чуть было не заскулил, как напакостивший щенок в унисон цирюльнику. – Увидав своего владыку таким опозоренным, весь народ царства нашего вынужден будет проклясть меня и род мой, а это смерть неминуемая не только мне, но и царству нашему! И всё только потому, что я сказал ихнему козлоному Пану, что на лютне играть, ему ещё научиться надо у самого Аполлона! Так они все после этих слов будто кабаны захрюкали, собралась и укатили, даже на наши сады ни глазком не взглянули!

¹ Магриб – злой волшебник.

– А зачем же им красота, когда они с тёмными силами знаются? – хмыкнул Нил. – От таких выродков злоба по земле начала расползаться червяками трупными, несмотря на то, что их предки были выходцами из нашей страны. Лучше бы их ещё тогда задавили! Они никогда не поймут, что мы живём со скоростью мысли и не ради того, чтобы что-то отнять и разделить, а ради того, чтобы подарить и радоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.